

Военные
Приключения

ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС

АНАТОЛИЙ ПОЛЯНСКИЙ

Военные приключения (Вече)

Анатолий Полянский
Единственный шанс

«ВЕЧЕ»

1977, 1987

Полянский А. Ф.

Единственный шанс / А. Ф. Полянский — «ВЕЧЕ», 1977,
1987 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8297-7

Борьба с контрреволюционерами после недавно закончившейся Гражданской войны, битва за освобождение Севастополя от фашистов, схватка за остров Кунашир, поиск военных преступников в Советской зоне Германии – в разных событиях приходится участвовать героям опубликованных в этой книге произведений. Но все они стараются защитить родную страну, ибо так только и приходит победа, до которой удастся дожить далеко не всем... Повести мастера отечественной остросюжетной литературы, удостоенного за свое творчество многих литературных премий.

ISBN 978-5-4484-8297-7

© Полянский А. Ф., 1977, 1987

© ВЕЧЕ, 1977, 1987

Содержание

Единственный шанс	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Пока бьется сердце	23
Выстрел из прошлого	35
Пролог	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анатолий Полянский

Единственный шанс

© Полянский А.Ф., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Единственный шанс

Глава 1

Дорога густо окуталась пылью. Степан со злостью посмотрел вслед промчавшемуся фаязтону и загородил свою спутницу, но от пыли спасения не было. Вообще городок, куда он был послан на работу в ЧК, несмотря на близость моря, был грязный и душный, с единственной центральной улицей, выложенной булыжником. Остальные улочки в дождь превращались в непроходимые болота красновато-бурого цвета. Степан вытащил папиросу, прикурил, покосившись на жену, а может быть, уже вдову начальника порта. Лавочники и новоявленные фабриканты – сплошная контра – спят и видят, как бы угробить советскую власть. Уж больно им воли много дали. Нет, он, конечно, сознательный, политграмоту изучает. Но сколько же можно? Год, два?.. А дальше? На кой черт они тогда беляков рубили, за мировую революцию жизнью своих не жалели...

Степана это возмущало. Он бы, как прежде, ревкомом командовал да с кулачем воевал, чем тут казенные галифе протирать. Когда его вызвали в уком партии и сказали, что есть разверстка на одного человека для направления на работу в ОГПУ и выбор пал на него, Степан отказывался как мог. Так честно и сказал:

– Что вы, братцы, придумали? Я же в этом ни бельмеса не смыслю!

– Ничего, Степа, – бодро сказал секретарь укома, знакомый еще по Первой конной в период борьбы с Врангелем. – Не боги горшки лепят, научишься.

...Женщина шла молча. Вообще была неразговорчивой: видимо, горе придавило. После той исповеди, что вначале пришлось выслушать Степану, она только спросила:

– А вам обязательно нужен ключ?.. Я хотела бы сохранить его на память.

Степан подтвердил, что ключ – улика, потому непременно нужен. Позже можно будет вернуть.

– Хорошо, – покорно согласилась она. – Ключ дома. Пойдемте.

Они направились в сторону моря, к небольшому поселку, где жили почти все работники порта.

Молчал и Степан, погруженный в невеселые думы. Он надеялся, что разговор с женой начальника порта Долгова хоть что-то прояснит, а получилось наоборот...

В день своего исчезновения Долгов оставался дома с шестилетней дочерью. Жена уезжала к больной матери в Пятигорск и вернулась лишь через сутки.

– В тот день муж рано вернулся домой, – рассказывала она. – Дочка говорит: папа все время курил. Ходил по квартире и разговаривал сам с собой... Девочка уже лежала в кровати, когда зазвонил телефон. О чем был разговор, ребенок понять не мог, но то, что папа сердился, она запомнила. Оделся, сел к столу и стал писать. Потом сунул бумажку в конверт, показал ей и дважды повторил: «Это для мамы, дочка. Скажешь: письмо на столе...»

– Что же было в письме? – нетерпеливо спросил Степан.

– Не знаю. – Женщина посмотрела на него грустно. – Никакого письма я не нашла.

– А вы хорошо искали?

– Стол перерыла несколько раз – ничего!

– А может, письма не было?

– Зачем ребенку врать?

– Странно... – пробормотал Степан. – А из чужих у вас кто потом бывал?

– Чужих не было. Приходили сотрудники мужа, свои. Да и стол был заперт. А замок в нем не простой, с секретом. Муж сам делал.

Узкая, спускающаяся круто вниз улочка вывела их к морю. Степан никак не мог привыкнуть к его беспредельности. Море представлялось огромным, живым, дышащим существом. Выросший в прикубанской степи, он прежде видел море лишь однажды, когда шел через лиман в обход Перекопа...

– Вот мы и пришли, – сказала Долгова. – Извините, не приглашаю. Сейчас вынесу то, что вы просили.

Она вернулась через минуту и протянула Степану небольшой ключик необычной формы: стержень не круглый, а треугольный, флажок скошен, и на нем красивые фигурные вырезы.

– Таких ключей было два, – сказала Долгова, – у меня и у мужа.

Степан задумчиво подбросил ключ на ладони:

– Странная история. Вы кому-нибудь об этом рассказывали?

– Нет, – отозвалась Долгова, – то есть да, уполномоченному водной охраны. Он тоже спрашивал о письме.

Степан нахмурился. Опять Аварц опередил... Случайно ли? Все время приходится идти по его следам. Вспомнился разговор с начальником оперпункта. Когда Степану поручили заняться портом, через который, по оперативным данным, просачивалась контрабанда, то Ефремов предупредил его: «В порту есть уполномоченный, Аварц, присмотришь к нему. Он тебя не знает, так что тебе и карты в руки».

На обратном пути Степан только и думал, что об Аварце. То казалось, он нарочно замечает следы, то одолевали сомнения: уполномоченный в порту отвечает за его охрану и обязан вести расследование. Неплохо бы посоветоваться с начальником оперпункта ОГПУ Ефремовым, но фактов маловато. Больше домыслов, чем дела...

Ефремову, пожалуй, говорить рано, решил Степан, а вот с Ахмедом поделиться надо. Ахмед поймет и подскажет, как действовать дальше. У него нюх на такие вещи, и, главное, они друзья. Славный парень, этот Умерджан.

Но посоветоваться не пришлось и с Умерджаном: не успел Степан вернуться на оперпункт, как тут же был включен в опергруппу по задержанию контрабандистов, которых решили брать в поезде Баку – Москва.

Глава 2

Скорый поезд Баку – Москва шел уже третий перегон с той станции, где села в него опергруппа. Переходя из вагона в вагон, Степан смотрел, что называется, во все глаза, но ничего, решительно ничего не находил. Пассажиры были самыми заурядными: пили чай, резались в карты, спали. И хоть бы один настороженный взгляд или какой-нибудь необычный чемодан!

«Наверное, Ахмед их задержал», – с легкой завистью подумал Степан, зная, что друг идет навстречу с конца поезда. Впереди оставался международный вагон. Билеты здесь у пассажиров при посадке забирались, и Степан пришел в замешательство: как же проверять? Потом нашелся, предложил проводнику взять с собой билеты, чтобы сверить их с наличием людей.

– Места все заняты, – хмуро сказал проводник. – Зайцев не вожу.

Степан было заколебался: правильно ли поступает? Но тут подошел посланный Ахмедом боец, шепнувший: «Ничего не нашли. У вас, должно быть». Степана бросило в жар. «Ну гляди, брат, – мелькнула мысль, – держи экзамен!» Он так подозрительно посмотрел на двух ученых, ехавших в первом купе, что те невольно смутились.

В следующем купе ехал известный артист с женой и ребенком. Он играл с малышом, а тот лез ручонкой к банке с вареньем. «А что, если сценка разыгрывается напоказ, чтобы усыпить мою бдительность?» – подумал Степан, и ему стало стыдно. Так, черт возьми, каждого начнешь подозревать...

Постучавшись, Степан уже спокойно открыл третье купе. У окна сидела молодая женщина в сером костюме. Откинувшись на спинку дивана, она курила длинную тонкую папиросу.

– Вы одна в купе?

– Сейчас одна, как видите, – усмехнулась она. – Приятельница сошла в Хачмасе купить яблок и, видимо, отстала.

– Они сразу же сообщили, – вмешался проводник. – Сошедшей женщины билетик у меня остался. Я начальнику поезда доложил.

– Значит, это ее вещи? – указал Степан на два объемистых чемодана.

– Нет, мои. Ее – в багажнике.

– Да вы не сомневайтесь, – заговорил опять проводник. – В Ростове мы можем снять вещички.

– Зачем же снимать? Я довезу. Мы в Москве соседи.

Степан собрался уходить, но в это время женщина потянулась за сумочкой, открыла ее. Мелькнул маленький граненый флакончик. Степан тотчас узнал: духи марки «Коти» – французская контрабанда.

«Спокойнее! – одернул себя Степан. – Духи можно купить на базаре». И все же было что-то в этой дамочке настораживающее: то ли подчеркнуто-равнодушная манера держаться, то ли тот лоск, который, как заметил Степан, отличает людей непростого происхождения.

Колебался он секунду, потом решительно выпрямился и отрывисто сказал:

– Прошу открыть чемодан.

– Вы что, товарищ уполномоченный, шутите? – воскликнула она. – Это самоуправство! Я буду жаловаться!

– Не надо нервничать, – усмехнулся Степан. Теперь он был уверен, что попал в точку.

Пригласив понятых из соседнего купе, Степан открыл первый чемодан. Он был набит отрезами темно-синего бостона.

– Английский! – ахнул проводник.

Во втором чемодане оказались шарфы, мотки французского шелка, иранская лак-кожа и, между прочим, те же самые духи «Коти»...

Чемоданы «подруги» тоже были заполнены исключительно контрабандными товарами, а под двойным дном лежали перемотанные фильдеперсовыми чулками дамские золотые часы – их оказалось ровно шестьдесят штук.

– Теперь все, джан, – сказал Ахмед, пришедший на помощь. – Давай писать акт.

– Разрешите мне выйти в туалет? – нервно попросила женщина.

– Повременить придется, любезная, – отозвался Ахмед. – Скоро станция. Там сойдем.

– Я не могу ждать, – капризно потребовала дама.

Степан глянул в окно. Поезд проходил мимо разъезда. До ближайшей станции было по крайней мере полчаса.

– Неудобно как-то, – шепнул он Ахмеду, – Женщина все-таки...

Ахмед заколебался.

– Ладно, джан, пусть идет. Проводи-ка дамочку, – приказал он бойцу.

Прошло минут десять, когда Ахмед, писавший перечень конфискованных вещей, внезапно воскликнул:

– Где же она, шайтан дери?

Они выглянули в коридор. У туалета стоял боец и что есть силы колотил в дверь.

– Не отзывается, – сказал он.

– Взломать! – распорядился Умерджан.

Дверь затрещала под ударами. Замок шелкнул и отскочил. Туалет был пуст. В открытое окно врывался ветер.

– Знала, что делала, – пробормотал Ахмед. – Перевал. Тихо ехали...

Степан выглянул в окно. Поезд, набирая скорость, мчался под уклон. Впереди маячил тоннель. Прыгать было уже нельзя.

Глава 3

По небу плыли низкие облака. Быстро темнело. На берег напал липкий туман.

Степан нечаянно прикоснулся к забору и почувствовал под пальцами противную, похожую на плесень мокрую изморось. Он чертыхнулся и брезгливо вытер руку. Чистоплюем каким-то стал. Бывало, в конском навозе копался – и ничего. А тут вдруг барские замашки появились. Недаром говорится: с кем поведешься...

Степан с неприязнью посмотрел в дальний конец улицы, где стоял дом Тутышкина. Дорого бы он дал, чтобы никогда больше там не появляться. Осточертело изображать деревенского лавочника, приехавшего сюда чем-нибудь поживиться. Не знай он лично Сеньку, сына станичного купца Митрича, не сумел бы так натурально изображать лизоблюда и хапугу. Если бы только не приказ Ефремова...

«Вот что, Корсунов, – говорил он, – пора ускорить события. Все ниточки из порта, как ты сам понимаешь, тянутся к дому нэпмана Тутышкина. Нам нужно знать, что там делается. Потому придется тебе на время в актеры податься. Будь добр, постарайся!..»

Ефремов, конечно, понимал, что артист из Степана никудышный, но иного выхода не было. Ребята в городе примелькались, а Степан – человек новый.

Впрочем, Степан сам отчасти виноват в том, что выбор пал на него. Это он завел разговор, натолкнувший Ефремова на мысль послать его к Тутышкину. Расследование в порту зашло в тупик. Ниточка с письмом капитана Долгова, казавшаяся надежной, оборвалась. Обстоятельства исчезновения начальника порта по-прежнему оставались неясными. А контрабанда с моря продолжала поступать. Сведения об этом то и дело шли по разным каналам.

Туман сгустился, в нем тонул дальний конец улицы. Степан не торопился возвращаться в этот бедлам. Да и по роли не полагалось спешить.

«Купец, даже молодой, – поучал его Ефремов, – должен быть вальяжным. Знаешь, что это?.. Ходи важно. Говори медленно. А лучше молчи. Слово – серебро, молчание – золото. Пусть другие болтают, а ты на ус мотай».

Тут Ефремов вдвойне прав. Когда слушаешь других, внимание обостряется. Степан это на практике проверил. Не далее как позавчера разговор в доме вдруг зашел о Сычове. Имени его не назвали, но Степан сразу догадался, что речь идет о грузовом помощнике начальника порта, и насторожился. Здесь, у Тутышкина, о Сычове говорили в таких выражениях: верный человек, коли надо, поспособствует, у новой власти в чести... Степан старался не пропустить ни одного слова из того, что говорилось о Сычове. Но то ли никаких особых заслуг за ним пока не числилось, то ли из осторожности разговор на эту тему у Тутышкина быстро прекратился. Однако и того, что услышал Степан, было достаточно. Обстоятельства однажды случайно столкнули Степана с Сычовым в порту. Встреча была мимолетной, но не следовало упускать вероятности, что Сычов запомнил его лицо. Во всяком случае, попасться ему на глаза в доме Тутышкина было крайне нежелательно.

...В доме Тутышкина было по обыкновению шумно. Из просторной горницы, где собирались большие компании, доносились пьяные голоса: «С удачей тебя, Парамон Васильевич! Знай наших!.. Мы еще покажем совдепии кузькину мать!..»

Обмывался, по-видимому, крупный барыш. Степан уже участвовал в таких попойках. Приходилось хлестать самогон, который он до этого принципиально не пил, потому что еще в ревкоме боролся с самогонщиками.

Однако отказаться от застолья Степан не имел права, дабы не вызвать подозрения. К тому же по пьянке выбалтывались весьма ценные сведения. Здесь Степан узнал о готовящемся нападении на крупорушку. Чекисты приняли меры: бандитов встретили как положено... Из болтовни выплыли сведения о хищениях на кирпичном заводе, потом о содержателе трак-

тира «Красный петух», торгующем кокаином, которого взяли через неделю с поличным. А вот последний налет на портовые склады, где хранилась конфискованная контрабанда, предупредить не смог. Ошибся во времени. В результате исчезли товары на сотни тысяч рублей. Степан места себе не находил: так обмишуриться! Ефремову пришлось даже успокаивать его. В любом деле бывают проколы – никто не гарантирован. К тому же не все потеряно, похищенное не могло уплыть далеко – не иголка... Надо искать!

– А-а, казачок, давно ждали, – обрадованно прогудел Тутышкин, едва Степан появился на пороге горницы. – Садись, дорогуша, поближе. Налить ему штрафную!

Степана облапили с обеих сторон, жарко задышали в уши. Кто-то чмокнул его в щеку и просипел: «Наша надежда... Молодые дубки...» Степан с трудом сдержался, чтобы не оттолкнуть.

Как его до сих пор не раскололи, удивительно! За своего держат... Он хоть и старается изо всех сил попасть в тон компании, но сам чувствует – не то. Спасибо Ефремову: биографию больно подходящую ему придумал. Выбился твой казачок, говорит, из грязи в князи, а сам вахлаком остался, потому что до денег жадный...

Застолье затянулось. Было около полуночи, когда Степан смог беспрепятственно встать и выйти в сени. Только наклонился над ведром воды попить, как позади скрипнула дверь. Быстро обернулся – никого. Дверь в чулан была не заперта. Там было темно. Степан чиркнул спичкой, увидел запыленные ящики, мешки. На гвозде висел плащ, показавшийся знакомым. Надорванный капюшон, блестящие пуговицы... Где он его видел и на ком?

Спичка догорела и погасла. «С чего это я на пустяки внимание обращаю? – подумал Степан. – Мало ли кто носит дождевики, и шьются они одинаково». Собираясь уйти, он скорее по привычке, чем осознанно, притронулся к плащу. Нащупал металлический предмет в кармане, вытащил и зажал в кулаке. В сенях при тусклом свете фонаря Степан рассмотрел: ключ необычной формы: треугольный стерженек, флажок скошен, фигурные вырезы...

Степан сразу протрезвел. И тут же вспомнил... Это было как вспышка, как озарение. Картина точно врезалась в память... Пирс. Ветер. Дождь. И этот плащ с надорванным капюшоном и нелепыми блестящими пуговицами. Теперь Степан знал, на ком видел его.

Глава 4

В мерцающем голубоватом свете крупных звезд дорога выглядела неестественно белесой и зыбкой. Даже ступаешь по ней с опаской. Впечатление такое, будто перед тобой не широкая каменистая тропа, а стремительная горная река, кипящая на крутых перекатах. Только шума не слышно. Как в синематографе, когда тапер почему-то умолкает...

Дорога сделала резкий зигзаг и пошла еще круче вверх. Двигаться стало труднее. Отряд сбавил ход. Все больше ощущалась нехватка воздуха.

Степан сам попросился на операцию. Ефремов вначале отказал. Спасибо, Умерджан заступился: «Петр не понимает! Человек в нэпманский болото совсем тонуть может. День хорошо, два хорошо, потом кинжал сам из ножен выскакивает. Джигиту свежий воздух нужен!»

Степан шел и вспоминал недавнее. В тот момент, когда он обнаружил ключ, ему показалось – нашел клад. Все звенья цепи, как ему представлялось, соединились намертво.

Плащ. В нем таинственно исчезнувший ключ. Ключ был у капитана Долгова. Взять его мог только убийца, осведомленный о письме. Возможно, начальник порта перед смертью пригрозил Аварцу, что его все равно разоблачат...

Версия выглядела настолько стройной и бесспорной, что Степан обругал себя последними словами. Вот растяпа, а еще буденновец, других бдительности учил!.. Все просто как пареная репа.

Через минуту Степан помчался по улице, уходя все дальше от дома Тутышкина. Потребность действовать одолевала. Нужно взять Аварца, тряхнуть его как следует, и они сразу будут в курсе дела...

По дороге в порт он, однако, передумал и решил прежде заскочить в оперпункт. Эх, был бы на месте Ефремов, все сложилось бы иначе...

Они шли по узкому скальному карнизу. Слева – глубокая пропасть. Дна не видно. Даже глухой рокот речки, протекавшей где-то там, внизу, долетал невнятно.

– Далеко еще? – спросил Степан устало. Он начал прихрамывать, видно, стер ногу.

– Немного осталось, – отозвался Ахмед. – Теперь перевал. Потом вниз. И еще, как ты говоришь, джан, самую малость.

Никогда не унывающий, Умерджан в трудные минуты всегда подбадривал Степана. Он вообще источал доброту. Ахмед был первым человеком, к которому Степан обращался с любыми вопросами. За каждым пустяком к Ефремову не полезешь, неудобно, а Умерджан – свой парень. Он даже радуется, когда его просят о помощи.

В ту сумасшедшую ночь Степан прибежал к Умерджану. Увидев его на пороге, Ахмед переполошился:

– Что, вызывают? Тебя Петр послал?

– Нет, – успокоил его Степан. – Ефремов как раз отсутствует. А у меня, понимаешь, такая петрушка получается...

– Что такое «петрушка»? Да ты входи...

Слушая Степана, Ахмед то и дело всплескивал руками и восклицал: «Шайтан дери!»

– По-моему, надо немедленно арестовать Аварца, – заключил Степан, уверенный, что Ахмед поддержит его. Однако Умерджан прореагировал иначе:

– Ты иди, а я к Петру. Рассказывать все надо...

Лучше бы Ахмед пошел в порт вместо него. Умерджан хоть и горяч, часто за кинжал хватается, но голову имеет трезвую. Ефремов не зря доверяет ему самые трудные операции.

Вот и сегодня для перехвата большой группы контрабандистов, о которой узнал Степан, отряд поручили возглавить Ахмеду.

Сколько раз Степан перебирал в уме события того проклятого дня, пытаясь определить, где он допустил первую ошибку. Нет, не тогда, когда пошел за Аварцем. Лагунов не мог разорваться, остался следить за домом, где находилась контрабандистка. То, что они разделились, правильно. А вот дальше... Впрочем, и дальше шло вроде нормально. Аварц побывал на пирсе, зашел в бухгалтерию, оттуда к Сычову. Вот тут-то, пожалуй, и началось. Слишком долго Аварц оставался в кабинете грузового помощника начальника порта. Степан заволновался: что они там делают?..

Аварц выскочил от Сычова взволнованный. Разговор, очевидно, был не из приятных. Это еще больше насторожило Степана, тем более, что Аварц чуть ли не бегом бросился к себе. Может, собрался удрать? А что, возьмет сейчас вещички – и поминай как звали...

Степан осторожно подкрался к окну. Аварц, сидя за столом, лихорадочно просматривал какие-то бумаги и торопливо рвал их.

«Уничтожает вещественные доказательства преступной деятельности, – мелькнуло в голове. – Замечает следы перед бегством!» Этого Степан допустить не мог. В следующую секунду он распахнул дверь кабинета и крикнул:

– Не двигаться! Руки на стол!

Аварц вздрогнул.

– Ты кто такой? – испуганно спросил он, рука потянулась к кобуре.

– Встать!

Аварц медленно поднялся.

– Что тебе надо? Откуда взялся? – Он был явно растерян. – Постой, да ты из конторы Ефремова. Я тебя видел, братишка!

В радостном восклицании Степан уловил фальшивую ноту и, отступив на шаг, scomандовал:

– Ни с места! Стреляю без предупреждения!

– Да ты что? Свой я...

– Перестаньте, Аварц! – перебил его Степан. – Нам все известно. Вы арестованы.

До этого момента все шло если и не совсем правильно, но без особых отклонений от нормы, как потом сказал Ефремов. А дальше...

Зачем ему понадобилось тут же выяснять подробности убийства Долгова, сообщать о плаще, найденном в чулане Тутышкина, и главное – показывать злополучный ключ? Аварц, как его увидел, отпрянул, будто от гадюки, и с ужасом посмотрел на Степана. Тому никогда не забыть этого взгляда. Кто мог предположить, что Аварц бросится на него вот так вдруг, с диким воплем. Прыжок оборвался на половине. Степан увидел искаженный гримасой рот, руки, сжатые в кулаки, не глаза – сплошные белки. И выстрелил...

Голос Ахмеда опять вторгся в мысли Степана.

– Скоро на место придем. Перевал сзади...

– Побыстрей бы, – ответил Степан, поеживаясь.

Небо над горами посветлело, звезды поблекли. Заметно похолодало. Хорошо, что по настоянию Ахмеда надели шинели, а то заоченеть недолго. Только в горах и бывает в разгар лета такая холодина...

Выстрел ударил неожиданно. И тут же загремело впереди. Упал боец, потом второй... Кое-кто укрылся за камнями. Рассредоточиться на узкой горной дороге было негде. Оставалось залечь и открыть ответный огонь.

Ахмед подполз к Степану.

– Засада, шайтан дери! – прохрипел он. – Туда надо! – ткнул вперед рукой.

– Может, обратно на перевал?

– Нет, джан, – Ахмед решительно покрутил головой. – Нас ждут. Туда надо! Скорее!

Степан и сам понимал, что спасение сейчас в быстроте действия. Если чуть помедлить, всех перестреляют.

– Слушай мою команду! – приподнялся Ахмед. – Вперед, за мной!

Бойцы устремились за Ахмедом прямо на засаду. Отстреливаясь, они бежали по дороге, как вдруг раздался крик:

– Умерджан! Товарищ Умерджан!

Степан оглянулся. Ахмед лежал на боку, подогнув под себя ноги. Будто прилег на секунду отдохнуть...

Степан бросился к нему. Пуля сбила фуражку. Обожгло кисть левой руки.

Степан перевернул Ахмеда на спину. Рванул шинель на груди, приложил ухо к сердцу. Оно не билось...

Глава 5

В кабинете наступила тишина – сразу стало слышно, что за окном монотонно стучит дождь. «Как он не понимает? – с отчаянием думал Степан. – Не могу я туда идти. Ни за что! Перестреляю же гадов!»

Он уже полчаса убеждал Ефремова, что не в состоянии вернуться в дом Тутышкина. Сознает, что надо. Теперь, когда его раскрыли, а это ясно как божий день, можно отлично сыграть на его мнимом неведении. Но Степан не в силах себя перебороть. Перед глазами стоят Ахмед и другие товарищи. Сколько хороших людей положили, гады!..

Ефремов надрывно закашлялся и отвернулся. На его впалых щеках проступили розовые пятна. Тыльной стороной ладони он вытер выступившие слезы и с виноватой улыбкой сказал: – Бьет, проклятый, изнутри... Не обращай внимания.

Острая жалость резанула Степана. Ефремову явно хуже. Глаза лихорадочно блестят, кашляет почти непрерывно, и всякий раз на платке остаются кровавые отметины. «Лечиться надо, Петр Петрович, на курорт бы вам», – сказал ему как-то Степан. Ефремов усмехнулся: «А мы и так с тобой на курорте. Чем наш Каспий хуже, скажем, Средиземного моря?» Потом помолчал и с тоской добавил: «Поздно. И не спорь со старшими, Корсунов. По таким делам я сам доктор. Тюремный университет прошел. Поздно! Только ты ни-ни... Насколько хватит – и ладно. – Сказал негромко, но твердо: – Чем лежать на больничной койке, цепляясь за каждую минуту бесцельной жизни, лучше пользу делу приносить...» В этом был весь Ефремов.

– Дежурный, сообрази-ка нам чайку, – попросил Ефремов, приоткрыв дверь кабинета. – Да погорячее.

Все на оперпункте знали, что начальник любит обжигающе-горячий чай, пьет вприкуску, чашку за чашкой.

Степана это покорило. Время ли гонять чаи! Ефремов, по его мнению, выглядел чересчур спокойно и буднично, словно ничего не случилось: ни засады в горах, ни гибели многих достойных ребят, ни провала операции.

Дежурный принес кипяток и заварку. Ефремов достал из стола два куска сахара и несколько баранок.

– Подсаживайся ближе, Корсунов. Ничего нет вкуснее чая, да и взбадривает.

– Не хочу, благодарствую! – ответил Степан и демонстративно отвернулся.

– Напрасно отказываешься. – Ефремов налил заварку покрепче. – За чаем разговор получается другой. Чай даже Феликс Эдмундович любил.

Степан недоверчиво посмотрел на Ефремова: к чему клонит? Зря не стал бы Дзержинского вспоминать.

– Да-да, – подтвердил Ефремов, ломая баранку, – представь себе, любил. Не понаслышке знаю, доводилось встречаться. Однажды вызывает меня на доклад. Здороваается и первым делом предлагает: «Давай-ка чайку, Ефремов, выпьем. Устал, вижу, с дороги, а чай взбадривает...» Я тогда действительно две ночи не спал, с юга на перекладных добирался. Как услышал эти слова, сразу от сердца отлегло: чаепитие – занятие дружеское.

Ефремов откинулся на спинку стула и продолжал с улыбкой:

– Понимаешь, я, пока шел, чего только не передумал. Докладывать-то нужно было начальнику войск, а тут говорят: Дзержинский мной интересовался... Пока по коридорам управления петлял, все свои грехи в уме перебрал. Не станет же Феликс Эдмундович просто так вызывать. Может, промашку дал в чем-нибудь?.. Мы тогда как раз атамана Серого доколачивали. Банду почти всю уничтожили, а сам он трижды из-под носа уходил. Ну, думаю, вот за это мне и выплут.

Степан придвинулся к столу поближе. Ефремов отхлебнул несколько глотков чаю.

– Ну а дальше? Дальше-то как?

– А что дальше, – как можно безразличнее протянул Ефремов. – Доложил я обо всем Феликсу Эдмундовичу. Он внимательно выслушал, расспросил подробности дела. Потом дал задание. Вот, собственно, и все.

– А для чего вы рассказали мне эту историю? – насупился Степан.

Ефремов наклонил голову и посмотрел с хитрецей:

– Верно, Корсунов, не зря рассказал. Угадал. – И, сразу став строже, заговорил иным, суровым тоном: – Задание мне тогда Дзержинский дал не совсем обычное. Феликс Эдмундович попросил Серого непременно взять живым. Я попытался объяснить, что атаман очень осторожен, вооружен до зубов; при нем неотлучно следуют телохранители, отчаяннейшие головорезы. Разрешите кончить на месте, говорю, все равно его ж потом в расход? – Подперев щеку рукой, Ефремов горестно качнул головой. – Понимаешь, Корсунов, я не просто так говорил. Как раз накануне Серый двух моих товарищей убил из-за угла. Какие ребята были! Я с ними еще в Петроградской ЧК начинал; потом весь колчаковский фронт прошел. В каких только переделках не приходилось бывать – и ничего, выкручивались. А тут сразу обоих. Да я за них готов был этому гаду собственными зубами горло перегрызть.

Глаза Ефремова сузились от гнева. Даже сейчас, много лет спустя, старый чекист не мог ни забыть, ни простить гибели своих друзей.

– И что же ответил Дзержинский? – взволнованно спросил Степан.

Ефремов вздохнул.

– Он меня правильно понял. Конечно, говорит, терять товарищей тяжело. И нам нужно беречь людей, Ефремов. Но атамана Серого надо судить. Судить публично! Пусть народ видит, что представляют собой бандиты и как их карает советская власть. Пусть все знают, что возмездие неминуемо. Тогда не появятся больше ни серые, ни антоновы, ни им подобные... Нужно взять бандита живым. Для дела нужно, для революции!

Степан давно понял, что сказал Ефремов Дзержинскому в ответ, но все же от вопроса не удержался. Начальник оперпункта пожал плечами.

– А как ты думаешь, Корсунов, что я мог сказать? – Он сделал паузу. – Только то, что сейчас скажешь ты: раз нужно – сделаю. А Серого потом судили. Принародно.

Глава 6

Дом Тутышкина по утрам жил тихо и богобоязненно. Тут поздно вставали, сытно завтракали, благодарственно молились и просили удачи в делах насущных. Потом отпирали лавку и встречали почтенных гостей. Голоштанная совдепия, с которой можно не церемониться, появлялась только к вечеру, после работы. А те, что заходили до обеда, не спешили.

Ничего подозрительного в поведении Тутышкина Степан по возвращении не заметил. Тот, как всегда, поворчал по поводу его непутевой жизни.

– Небось голова болит? – Лоснящиеся щеки Тутышкина заколыхались и изобразили улыбку. – Поди уж скажи жене, чтоб налила тебе рюмку анисовой, той, что в буфете стоит...

Бродя по двору, Степан заглянул в конюшню, где Тутышкин, занимаясь извозом, держал две пары лошадей. Обычно днем запряженные в коляски лошади трудились на привокзальной площади, развозя пассажиров по городу, чем приносили хозяину немалый барыш. На сей раз лошади стояли на месте и мерно жевали овес, щедро засыпанный в кормушки, что было и вовсе удивительно. Тутышкин был прижимист и экономил буквально на всем...

«Что бы это значило? – думал Степан. – Не собирается ли хозяин в дальнюю дорогу? Странно! Разгуливать для удовольствия Тутышкин обыкновения не имеет. Деловая поездка?.. Вряд ли. А может, хозяин хочет драпануть? Но почему? Слишком вескими должны быть причины, чтобы он бросил дом, хозяйство, налаженное дело. На такое можно решиться лишь в крайнем случае...»

Сторонним наблюдателем оставаться было нельзя. Что предпринять? Враги начали действовать, и нужно узнать их намерения. Но малейшее неточное слово Степана, тем более поступок, выдадут его с головой. Они поймут, что он ведет двойную игру.

Степан отчетливо представлял, кто перед ним. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Контра ни перед чем не остановится. Нет, рисковать без толку не годится. Должен быть какой-то выход. Нужно только найти его... Как Ефремов сказал? Твой единственный шанс – их неведение. Думай, Степан, думай!..

Он вернулся в горницу и незаметно передвинул цветок на окне, выходящем на улицу. Для ребят, ведущих наблюдение, – сигнал: внимание, опасность! Потом Степан спустился в лавку, потолкался среди приказчиков – не наведут ли на след? Но приказчики были слишком вышколены, чтобы зря болтать о хозяйских делах. И тогда Степан решил подойти к хозяину и с самым невинным видом прямо спросить: «А что, мол, куда-нибудь едем?»

Тутышкин посмотрел испуганно.

– С чего ты взял? – вырвалось у него помимо воли.

– А я рассчитывал, поедем куда-нибудь, кутнем, – как можно беспечнее сказал Степан.

– Есть такое желание? За чем же дело стало? Давай организуем! – воскликнул Тутышкин.

Слишком откровенно обрадовался «благодетель». Но отступить было поздно, да и не следовало.

Через полчаса запряженная парой гнедых пролетка лихо выкатила со двора. Степан с Тутышкиным, сидя в обнимку, представляли слишком мирное зрелище, чтобы ребятам, ведущим наблюдение, пришло в голову следить за ними. Степану стало одиноко. Теперь, даже если что случится, можно рассчитывать только на свои силы. «Не надо было, наверное, уезжать из дому», – мелькнуло запоздалое сожаление. Вероятнее всего, там развернутся главные события, а он окажется в стороне.

Беспокойство нарастало. Тем более что Тутышкин сразу же свернул с центральной улицы в кривые запутанные переулки.

– Заскочим в одно местечко. По делу нужно, – пояснил он. – Всего на несколько минут...

Пролетка остановилась у приземистого домика, скрытого в глубине двора за высокой глинобитной оградой. Тутышкин без стука открыл узкую калитку. Видно, был здесь своим человеком. Их как будто бы ждали. Высокий тощий кавказец с традиционным кинжалом на поясе, кланяясь, пригласил в дом.

Степан приготовился ко всему. Заходя в дом, он незаметно окинул взглядом двор, прикидывая пути к отступлению. Однако то, что произошло в следующий момент, оказалось для него полной неожиданностью. Не успели усесться на ковре, по местному обычаю поджав под себя ноги, как дверь соседней комнаты отворилась и оттуда вышел Сычов, собственной персоной грузовой помощник начальника порта. В комнате с низким потолком он казался особенно высоким, массивным. Квадратное с рябинками лицо излучало сплошное радушие.

– Наслышан, наслышан про ваши коммерческие подвиги, – загудел он, опускаясь рядом. – Давно мечтал познакомиться...

«Не узнал или притворяется? – подумал Степан с тревогой. – Но ведет себя очень натурально. Впрочем, тогда при встрече в порту я был без формы. А мало ли народа проходит ежедневно перед грузовым помощником начальника порта...»

Перед ними на ковре расставили вино, фрукты, восточные сладости.

– За знакомство! – поднял бокал Сычов, пристально и откровенно изучающе глядя на Степана. – Долго присматривался к вам: что за человек, думаю, наш или нет?

– Ну и как? – спросил Степан.

– По-моему, лучшим ответом на вопрос является наша встреча.

– Польщен весьма, – проговорил Степан.

В конце концов, не следует выходить из роли, раз они того хотят. На хитрость надо ответить выдержкой. Пока преимущество на его стороне: он знает, что с ним играют в прятки и собираются использовать, а они – нет.

Дальше разговор пошел торгашеский. Сычов предложил купить партию превосходного заграничного товара. Степан начал отчаянно сбивать цену, сознательно оттягивая время и выжидая, когда его противники перейдут к делу, ради которого все это затеяно. Закончив торг, ударили по рукам.

– Да-а, совсем забыл, – воскликнул Сычов, поворачиваясь к Степану. – Мне ваш спутник нужен на два слова по секрету...

Они с Тутышкиным вышли в соседнюю комнату, плотно прикрыв за собой дверь. «Вот она, ловушка, – подумал Степан. – Во всяком случае, очень похоже на то. Чего от него ждут? Чтобы подслушал? Расчет простой: чекиста не может не заинтересовать разговор двух врагов с глазу на глаз. Что ж, господа хорошие, продолжим игру, только карты-то ваши крапленые! Таким шансом нельзя не воспользоваться».

Степан приник ухом к двери и тут же услышал испуганный голос Тутышкина:

– Не хочу с этим связываться!.. Не хочу!.. Динамит доставлю, но дальше увольте!

– В штаны наложил, – язвительно заметил Сычов. – Помощнички! Ладно, доставишь груз к железной дороге в район Истербаша и катись к чертовой матери. Как-нибудь сами!.. Преподнесем подарочек совдепии!

«Диверсия в районе Истербаша, – подумал Степан, а зачем?» И вдруг вспомнил!.. Выходя из кабинета Ефремова, он столкнулся с Лагуновым. Тот, наклонившись, прошептал ему: «Велено передать информацию. Все срочно выезжаем на линию. Получена шифровка из Москвы... Двенадцатым скорым едет иностранная торговая делегация. Приказано обеспечить безопасность!..»

Ну, конечно! Иностранная торговая делегация! О безопасности ее заботится Москва!..

Дверь открылась. Степан еле успел отскочить. Через минуту они с Тутышкиным уже ехали в пролетке по узенькой улочке. Возле «Иллюзиона» лавочник, натянув вожжи, остановился.

– Мне надо еще дельце одно сотворить без тебя, – сказал он. – Хочешь – подожди, а нет – так езжай по своему желанию. А я потом до дома сам доберусь.

Тутышкин скрылся в ближайшей подворотне.

Первым побуждением Степана было хлестнуть лошадей и мчаться к вокзалу, чтобы предупредить своих. Но он тут же одернул себя. Дурак! От него именно этого и ждут. Даже транспорт предоставили в полное распоряжение. Гони, докладывай, направь оперативников по ложному пути... Диверсия, разумеется, готовится – в этом сомнения нет, но только не в районе Истербаша...

Как бы хорошо предупредить своих! Попросить совета у Ефремова!.. У одного так мало шансов на успех! Но времени, а главное, возможности нет. Нельзя упускать момент, иначе случится непоправимое.

Глава 7

Стоял знойный полдень. Все живое попряталось в тени. Ветер с моря утих, и духота навалилась на город. Улица, будто вымершая, насквозь пронизанная жарким дагестанским солнцем, тонула в желтовато-пепельной пыли... Никого! Степан растерянно оглядывался по сторонам... Необходимо поставить в известность своих, медлить нельзя. Но он не мог упустить Тутышкина.

Степан спрыгнул с пролетки и нырнул в подворотню вслед за «хозяином». Теперь Тутышкин оставался единственной ниточкой, которая еще могла привести к цели.

Как он и предполагал, двор оказался проходным. Грузная фигура Тутышкина мелькнула у стены противоположного дома и скрылась за углом. Степан осторожно пересек двор и вышел в соседний переулочек.

Преследовать нэпмана, самому оставаясь незамеченным, оказалось делом нелегким. Безлюдье на улицах заставляло Степана держать дистанцию и следить издали, соблюдая меры предосторожности. К тому же Тутышкин при всей его дородности был легок на ногу и ловок.

Раза три Степан его чуть не потерял. Чертыхнувшись, прибавил шагу. Не хватает еще упустить этого борова! Тогда пиши пропало...

Часа два бродили они с Тутышкиным по окраинным улочкам. Несколько раз тот приближался к своему дому и снова уходил от него. Стало очевидно, что его бесцельно водят по городу. Тутышкин даже оглядываться перестал...

Спустившись к морю, Тутышкин потолкался у пирса и двинулся в сторону портовых складов. Его приплюснутая шляпа мелькала между штабелями досок, потом вдруг пропала. Степан бросился вперед, обогнул груды бочек и уперся в гору угля. Оббежав ее, увидел узкий проход между рядами ящиков. Не задумываясь, ринулся в проход. Резкий удар по голове свалил с ног. Падая, он подумал: «Вот и влип... Как глупо!» И больше уже ничего не помнил. Вроде бы тащили его волоком, бросили в телегу, повезли по тряской мостовой, накрыв вонючей рогожей...

Очнулся Степан в темноте. Над горами висела луна, приятная прохлада освежала лицо. Телега, на которой он лежал, двигалась медленно, и по тому, как она покачивалась, Степан понял: едут по проселку.

«Куда везут? – подумал он вяло. – Хотели бы прикончить, так давно пора. Значит, еще нужен, пытать будут». От этой мысли бросило в дрожь. Вспомнился боец из отряда, недавно попавший к бандитам в лапы. Как они, гады, над ним издевались! Страшно было потом на парня глядеть...

Степан попробовал высвободиться, но руки оказались туго связанными. Веревка врезалась в тело, кисти занемели, не разогнуть. Внезапно повозка остановилась.

– Привезли? – спросил требовательный голос, показавшийся знакомым.

– Почти два пуда, – послышалось в ответ. – На «иллюминацию» хватит с излишком.

– А взрыватели?

– Не забыли... Как можно!

Речь шла о взрывчатке, предназначенной для диверсии. Теперь-то он узнает все подробности. Но к чему, раз не сможет передать своим!..

– Да, забыл спросить, – раздался тот же голос. – Последнюю партию иранской лак-кожи успели переправить в Ребровую балку?

– Тише, господин! – испуганно воскликнул кто-то, до сих пор молчавший. – Про тайник не надо!

– Кого испугался?

– Да тут в телеге одного «мента» приволокли! Следил за лавочником... Вот мы его чуток «погладили»...

– А зачем было на дело тащить?

– Посчитали, что пришить никогда не поздно. Может, понадобится...

Степан вдруг узнал голос, не зря показавшийся знакомым. Говорил Сычов.

«Лучше бы кто другой, – с тоской подумал Степан. – Этот три шкуры спустит».

– А ну, присвети, – потребовал Сычов. – Поглядим на твоего «мента».

В глаза Степану ударил яркий свет.

– Ба, да это же наш старый приятель! – воскликнул Сычов. – Ну и дела! Что, казачок, виноват, господин чекист, не поверили, значит, свои-то?!

Сычов был доволен.

– Помогите ему подняться! – распорядился он коротко.

Два человека бросились к Степану и усадили, прислонив спиной к облучку телеги.

– Что это? – спросил Сычов с наигранным возмущением. – Вережки?.. Снять! Снять немедленно!.. Господин чекист оказал нам такую неоценимую услугу, что заслужил хорошее обращение.

Степан с трудом расправил затекшие руки. Голова соображала туго. О какой услуге говорит Сычов? Издевается?..

– Неужели господин чекист до сих пор не догадался? Я о ваших специалистах думал лучше. Так вот, тот самый фейерверк, о котором тревожится Москва, мы намерены произвести именно в районе Истербаша. Ценные сведения? Я всегда утверждал, что лучший способ обмануть – сказать правду...

Да, Сычову нельзя было отказать в знании человеческой психологии. Отвлекающий маневр задуман великолепно. В самом деле, раз чекисты знают о провале своего сотрудника, они ни за что не поверят в правдивость полученных сведений...

Степан покосился на Сычова. Тонкий расчет! Какое удачное место выбрано для диверсии!.. Он хорошо знал район Истербаша. Железная дорога там, сразу же за разъездом идя под уклон, пролежала по мосту через горную речку. Сам мост невелик, но висит над водой довольно высоко. А рядом кусты. Удобно подобраться и снять охрану, особенно на рассвете.

– Трогай! – скомандовал Сычов, садясь в телегу рядом со Степаном. – В знак признательности, казачок... Позволь по привычке так тебя называть... Я покажу тебе великолепное зрелище. Надеюсь, что известие о нем понравится всей Европе.

– Приуныл, казачок? – назойливо звучал его голос. – Сколько тебе годков?.. Не желаем разговаривать? Гордые мы... – Захохотал довольный. – Ну хорошо, тогда спрашивай сам. Могу доставить себе удовольствие ответить на любые вопросы. Но скорее, пока я добрый! Что тебя интересует? Удовлетворение любопытства будем расценивать как исполнение последней воли приговоренного.

Сычов считал, и не без основания, что может позволить откровенность.

– Вербовка Аварца? Не представляло затруднений. Пристрастие к звонкой монете и женщинам. Узнали склонности и бросили подсадку. Что потом?.. Стал слишком нервничать. Вы за него крепко взялись. Спасибо, казачок, не пришлось самим руки марать...

– Исчезновение письма Долгова? – продолжал Сычов. – Что же тут таинственного? Я догадывался, что мой шеф – преданный вашему делу человек... Вот и принял меры. Послал Аварца обыскать стол. Безопасно: человек из охраны. А ключик я «случайно» нашел в кармане капитана. Просто и тривиально... Есть еще вопросы?.. Ах да, исчезновение начальника порта?.. Не следовало бы ему совать нос в чужие дела. Но не внял дружескому предупреждению... Я, видит бог, не жаждал оставлять его жену вдовой, а дочь – сироткой. Пришлось предпринять обыкновенный акт самозащиты...

Когда добрались до места, небо заметно посветлело. Подручным Сычова удалось быстро снять охрану моста.

– Чистая работа, – удовлетворенно крикнул Сычов. – Пошли. Забирайте взрывчатку. Трофим, – окликнул он, – последи-ка за моим «приятелем».

К Степану подошел высоченный мужик. Бесцеремонно двинул прикладом в бок, хмуро заявил:

– Смотри у меня, не балуй. Стреляю без промаха.

К ним подошли еще двое. Один сплюнул и дурашливым голосом сказал:

– А ну, господин чека, скидай сапоги. Они тебе без надобности!..

– Да поживей! – добавил второй и ткнул кулаком под ребра.

Степан задохнулся, скрючился, но тут же был свален ударом по уху. Потом били ногами молча и злобно.

– Будя, мужички! – вмешался наконец конвоир. – Добивать не велено.

Степан, пошатываясь, встал. Выплюнул два зуба. Перед глазами все плыло. Из разбитых губ сочилась кровь. На нем остались лишь брюки, да и то потому, что были изодраны в клочья. Все содрали, сволочи, даже исподнюю рубаху.

– Шагай! – подтолкнул бандит.

– Дай хоть напиться, гад!

– Обойдешься. До того света чуток осталось.

Подгоняемый прикладом, Степан брел к мосту. Земля уходила из-под ног, острая щебенка впивалась в босые разбитые ступни.

На косогор Степан взбирался на четвереньках. Ноги не могли одолеть подъем. Позади слышалось издевательское:

– Ползешь, вошь беременная!

Степан опустился на рельсы и устало уронил голову. Нет мыслей, нет желаний – одна пустота. Рядом, сняв часть настила, бандиты устанавливали ящики с динамитом на опору моста. Суетились, толкали друг друга, спешили. На Степана перестали обращать внимание. Сычов с бикфордовым шнуром в руках ушел вперед.

Издалека донесся гудок паровоза. Степан вздрогнул и закрыл глаза. Тот самый поезд! Двенадцатый скорый из Москвы! Сейчас он приблизится к разъезду. Стоянка – три минуты. А потом – до моста два с половиной километра. Только успеет набрать скорость – и тут же под уклон...

Из-под локтя Степан наблюдал за лихорадочно работающими бандитами. Сычов потопливал. Сам же продолжал разматывать бикфордов шнур. Кто-то кричал: «Не так! Не так! Запалы с другой стороны вставляй, дура!» Кричавший сбросил с себя пояс и скрылся в дыре. На пояс – граната, обычная «лимонка». Степан не мог отвести от нее взгляда!..

Мышцы напряглись. Никакой боли Степан уже не чувствовал. Вот его единственный шанс. Плевать на мост, лишь бы сохранить поезд. Два прыжка – и он у цели. Погибать так с музыкой!

В следующую секунду Степан рывком послал тело вперед, схватил «лимонку» и, подняв ее над головой, дико крикнул:

– Убью, гады!

От него шарахнулись. Последнее, что отчетливо помнилось, – рывок кольца. Поезд спасен! Три секунды, мелькнуло в голове, всего три секунды! Самому не успеть!..

Степан размахнулся и, швырнув гранату в дыру, где лежал динамит, прыгнул через перила с моста. Ледяная вода обожгла, как кипятки. Взрыва он уже не услышал.

Пока бьется сердце

*Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.*

Н. Тихонов

Над городом висел удушливый, пропахший пороховой гарью дым. В порту дымились склады и причальные строения. Багровые отблески пожарищ на Корабельной стороне зловеще освещали Графскую пристань. В улицах стоял смрад, круто замешанный на черных хлопьях все той же гари и бурой пыли разбитого кирпича.

Лежа в окопчике, Иван Дубинин вжимался в осклизлые и тем не менее спасительные скосы земли. В груди теснило от раскаленного воздуха. Разрывы снарядов и мин коржили мостовую, взламывали тротуары, сносили ограды вокруг старинных особняков. Бомбовые удары сотрясали набережную, сметая останки зданий, где засели фашисты. Все дрожало, падало, рушилось. И Ивану казалось, что сама земля стонет и корчится в этом аду, называемом уличным боем.

Дубинин воевал уже не первый год, но в такое пекло, пожалуй, еще не попадал. Немцы сопротивлялись с небывалым ожесточением, не сдавая без боя ни одной улицы, ни одного дома. Это было неистовство обреченных, ярость фанатиков.

Шел май сорок четвертого. Двое суток уже продолжался штурм Севастополя нашими войсками, последнего оплота фашистов в Крыму. Гитлеровцы продолжали держать почти половину города и никак не хотели отступать. Дубинин, конечно, не знал, что воюющая здесь 17-я немецкая армия получила приказ самого фюрера, гласивший: «...Чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова; чтобы никто не отходил и удерживал каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп». Выполняя распоряжение Гитлера, немцы дрались яростно. И Иван это чувствовал. Он был не новичком на фронте и видел, что отступать фашистам, собственно, некуда: позади море, а оно давно блокировано нашим флотом. Враг прижат к берегу, окружен со всех сторон. Но сдаваться не намерен, хотя кольцо вокруг него все сильнее сжимается. Еще вчера бои шли на Сапун-горе в Инкерманской долине, на рубежах, как считали немецкие генералы, неприступных. А сегодня сражения идут уже у Мраморной горы. Наши войска заняли Английское кладбище, вышли к Северной бухте...

От окопа к окопу прокатилась приглушенная команда «подготовиться к атаке!». Дубинин поправил на поясе гранаты, привычно перехватил автомат. Выглянув поверх бруствера, мысленно прикинул, куда бежать, где сподручнее залечь, откатиться в сторону и снова вскочить. Только с помощью таких маленьких солдатских хитростей можно уцелеть под тем бешеным огнем, который сразу же по нему откроют. Иван привык подниматься в атаку среди первых. Тут все решает быстрота и внезапность. Надо рвануться вперед, увлекая за собою других, упреждая врага.

Команда «вперед!» выхватила бойцов из окопа. Стреляя на ходу, они рванули через площадь, на которой негде было укрыться от хлещущих из окон противоположных домов автоматных очередей. Упал, будто споткнувшись о невидимо препятствие, один солдат, второй. Но ничто уже не могло остановить лавину атакующих, неотвратимо надвигающуюся на вражеские позиции.

Краем глаза Дубинин увидел, что его нагоняет группа бойцов. Среди касок мелькнула бескозырка. «Наверняка Костя, – подумал Иван. – Больше некому». И тут же узнал собранную фигуру друга.

Тот мчался напрямик, перемахивая воронки, взлетая на холмики битого кирпича. На исхудавшем красном лице горел азарт боя.

«Вот же отчаюга! – мелькнула мысль. – “Чепчик” нацепил и прет напролом!» Дубинин любил Костю Висовина, никогда не унывающего, смелого до бесшабашности парня, влюбленного в море. Вопреки самому строгому распоряжению старшины, тот не желал расставаться ни с «морской душой», как именовалась у него тельняшка, ни с бескозыркой – гордым символом принадлежности к флоту.

Бригаду морской пехоты всего полтора месяца назад влили в состав их стрелковой дивизии и сразу же, чтобы не отличались от остальных, переодели личный состав в штатное обмундирование. Приказ надеть каску Костя воспринял как покушение на остатки его принадлежности к «великому морскому братству» Но делать было нечего: черная форма демаскировала бойцов, делая удобной мишенью для врага.

Добежав до полуразрушенного многоэтажного здания, Дубинин прижался к стене. Дом этот представлял собою странное зрелище. Расколотый надвое прямым попаданием бомбы, он чудом не развалился и зиял в сторону площади глазами обожженных окон. В одно из них на первом этаже Иван и швырнул гранату. Выждав момент, пока она взорвалась, прыгнул внутрь здания. В помещении стояла густая едкая пыль. Толовая гарь ударила в нос. Возле покоренного станкового пулемета лежали вповалку три человека в черных мундирах. Дубинин перешагнул через трупы и бросился наверх по изрешеченной лестнице, похожей на мост, висящий между перекрытиями этажей.

– За мной! – гаркнул он.

Откуда-то с потолка, сквозь рванный пролом, ударила короткая автоматная очередь, прострочившая каменные ступени у самых ног.

– Поберегись, Дубинин! – донесся до него голос лейтенанта Земкова. – Зря не рискуй! Гранатами выкуривай гадов!

Он был, конечно, прав. Боезапасов у них теперь хватало. Не то, что в сорок втором, когда считали каждый патрон...

Стремительную, туго перепоясанную широким командирским ремнем фигуру Земкова, ворвавшегося в здание одним из первых, можно было увидеть то там, то здесь. Дубинин не просто уважал лейтенанта. Он преклонялся перед ним. У Земкова был богатый фронтовой опыт. Он имел ранение, несколько боевых наград. Побывал во многих сражениях и на севере, и в центре, а теперь вот попал на 4-й Украинский фронт в бригаду морской пехоты, хотя был человеком сугубо сухопутным.

– Давай пулемет сюда, Соценко! – крикнул Земков нетерпеливо. – Да поживее поворачивайся!

Взводный поторапливал солдата не зря. Высоченный, квадратный Соценко проворством не отличался. Он и ходил неторопливо, и высказывался не спеша, что вовсе не означало, что солдат ленив, как казалось некоторым. Дубинин знал: Сашка Соценко трудяга. Просто, прежде чем что-либо сделать, он должен основательно подумать. Зато уж взявшись за дело, выполнит его честно и основательно. Его надежность очень импонировала Ивану. Он готов был с Сашкой идти в разведку, знал: не подведет.

Неуклюже вскидывая ноги, Стоценко тяжело протопал по лестнице, изловчившись, пристроился с ручным пулеметом в проеме перекрытия, отделявшего второй этаж. «Дегтярев» в его крупных руках казался маленьким, однако заговорил в «полный голос». Не снимая пальца со спускового крючка, Сашка выпалил весь диск. И на втором этаже все смолкло.

– Тихо, як на кладбище! – прогудел он довольно. – Айда, хлопцы, доверху!

– Ты где ж это пулемет раздобыл, Сашко? – удивился Дубинин.

– Подобрал по пути. Ребята, шо его держали, уси, як один, полегли. А такой гарной машине не гоже без дела оставатись. Ты шо, никак недоволен?

Дубинин устало присел рядом с Сашкой на корточки.

– Скажешь тоже: недоволен. В ножки готов тебе поклониться. Ты, может, десятку ребят жизнь спас. Хороший пулеметчик из тебя получился...

Бой постепенно затихал. Где-то справа еще раздавались выстрелы. Но и они потрескивали все реже и реже. А перед ними была тишина. Ясно было одно: немцев выбили из ближайших строений. Бригада почти в полном составе вышла к Северной бухте. Над морем догорал багряный закат, окрасив волны в ярко-красный цвет. Постепенно яркость их блекла, как бы иссякнув, и на подрагивающей водяной глади бухты, словно отблески бушующей на земле войны, оставались лишь ржавые разводья. С щемящим чувством утраты прошедшего огневого дня Дубинин наблюдал, как они медленно стекали за горизонт. В голове лениво клубились давние воспоминания. И горечь понесенных утрат теснила сердце...

Летом сорок первого, чтобы не оставаться под быстро наступающими немцами, они уходили на восток в такой же пылающий над украинской степью огненно-багряный закат. Иван нес на руках Любочку, свою младшую дочку. На спине тащил узел с детской одеждой. Шагавшая рядом жена Аня, обвешанная котомками, держала за руку Кольку, спотыкавшегося от усталости. Но младшой не жаловался, хотя частенько чуть ли не падал. Он только плотнее прижимался к матери и со страхом всматривался в полыхающие вдали пожарища. От этих взглядов у Ивана сжималось сердце.

Поначалу никто из уходящих на восток не знал, что впереди немцы. Они были уже отрезаны от своих. И им еще долго придется скитаться по тылам врага, прежде чем выйдут из кольца окружения. У Дубинина было лишь одно желание: поскорее выбраться из этой паршивой ситуации, как-то пристроить семью – и на фронт. Он – бывалый солдат. Срочную отслужил на Дальнем Востоке, причем неплохо. Сам командующий Особой Краснознаменной вручил ему в Хабаровске при увольнении грамоту за меткую стрельбу на армейских соревнованиях. Это уж потом, в тридцать восьмом, поехал он с семьей в Донбасс. Рассчитывал заработать немного денег для детишек на одежду да на поправку хозяйства и вернуться на родную Орловщину. Так и Аленушке обещал. А она смеялась еще: скоро, мол, сказка сказывается... По ее и вышло. До самой войны в Донбассе прожили. Уходили оттуда уже под бомбежками...

Дубинин так задумался, погруженный в воспоминания, что вздрогнул, когда его окликнул Висовин. Тот подсел рядом, обнял за плечи и спросил:

– Что зажурился, братишка?

– Радоваться вроде нечему.

– Ну, как же? Фрица все-таки долбанули. Разве це не повод? Я в нашей армейской газетке читал: немцам, чтобы захватить Севастополь, понадобилось двести пятьдесят суток. А мы за два дня почти все возвернули. Да я, ежели хочешь, хоть сейчас «Яблочко» врежу!

– Рано, Костя, – отмахнулся Дубинин, морщась.

Моряк затих. Знал, о чем печалится друг. Семья его в эвакуации бедствует. Да и вестей от нее давненько нет.

– Зюйд-вест подымается, – сменил он тему разговора. – К ночи закрутит так, что гарь сдует. Дышать станет легче.

– Хлипкий ветерок. Такой мразь не сдует.

– Ветерок! – фыркнул Висовин. – Много ты в этом понимаешь, Иван. Зря тебя в морскую пехоту определили.

– Ты, часом, не перепутал? Это тебя в пехоту шуранули.

– Пусть так, – согласился Костя. – Раз для дела потребовалось, я не возражаю. Но все равно мечта в сердце, как заноза, все равно во флот вернусь. Ты даже не представляешь, как охота под парусами походить.

Последние слова Кости прозвучали грустно. Ивану же была непонятна тоска друга по морю. Ему, крестьянскому сыну, море казалось зряшным пространством: ни хлеба тут не посеешь, ни травы не накосишь. Однако ко всякому пристрастию человека Дубинин относился с пониманием. Каждому свое. Иван, к примеру, больше всего лошадей любил. Сызмальства его тянуло к колхозной конюшне. Сперва батю там помогал, потом уже самостоятельно управлялся. А повзрослев, стал и вовсе конюхом. Хороши у них кобылы были в конюшне, с разумом. Все понимали. Одна, пугливая, постоянного ублажения требовала. Другая, слишком резвая, – сдерживания требовала, чтобы не баловала. Если трудяги, то коренниками в упряжке ходят. А которые с ленцой, тех не грех и кнутом огладить...

Уже совсем стемнело. Противоположный берег бухты ожил, то и дело стал озаряться причудливыми сполохами. Взлетая крутой дугой на изрядную высоту, ракеты, падая, лопались и рассыпались огненными брызгами, медленно оседающими на черную воду. Изредка непроявленную темноту пунктирами прорезали трассирующие пулеметные очереди. Стрельба шла неприцельная, очевидно, для острстки.

– Беспокоится фриц! – насмешливо заметил Висовин. – Дали мы ему перца, полундра на полубаке... Как полагаешь, Иван, возьмем завтра Севастополь или еще проваландаемся?

– Кто ж его туточки в нашу победу не верует? – раздался хриплый басок, и из развалин вылез Соценко.

– Подслушиваешь? – шутливо набросился на него Висовин. Он любил неуклюжего добродушного хохла.

– Так я ж не нарошно, – начал оправдываться Соценко, принимавший любое слово всерьез. – Слышу, гутарят, вот и двинулся на голоса... – Он надрывно закашлялся, а когда успокоился, сказал: – Я до вас, хлопцы, дело маю.

Сашка простудился на Кинбурнской косе. Ему в разведке пришлось просидеть в холодной воде без малого два часа. Ждал, пока уйдут неизвестно откуда появившиеся фрицы. С тех пор его и бил кашель. Не помогала даже лишняя «наркомовская норма», которую друзья ему иногда отдавали, отрывая от себя. И Сашка чувствовал себя перед ними виноватым: никак не мог избавиться от хворобы.

– Докладывай, для чего нас искал? – требовательно спросил у него Висовин.

– Хорошая работа имеется. Командир добровольцев шукае. На той стороне бухты, як я вразумел, крепкая работенка предстоит. Фрицам на хвост можно хорошо насыпать. Ось я и подумал...

– Правильно подумал, – хлопнул Костя гиганта по плечу. – Мыслимо ли, чтобы без нас такое произошло. Верно, Иван?

Висовин спрашивал больше для порядка, потому как знал, что Дубинин никогда не откажется от такого серьезного дела. Всегда готов переть, как батю в пекло!

Дубинин отозвался не сразу. Друзья ждали от него решающего слова. А он не был балаболкой. И, прежде чем дать согласие в таком серьезном вопросе, привык обдумывать предстоящее дело.

– А кто назначен старшим команды? – поинтересовался он.

– Да наш взводный кличет добровольцев. Дело-то предстоит ответственное. Не каждому можно доверить.

– Ну, если Земков возглавляет операцию, все сомнения отпадают. Верю ему больше, чем себе, – твердо заявил Дубинин. – Где он сейчас?

– Туточки, в подвале. Там КП сделали.

– Тогда идем туда.

Ежеминутно спотыкаясь в кромешной темноте, трое солдат ощупью переползли через груды камней и спустились в подвал разрушенного дома. Узнав их, часовой, получивший при-

каз пропускать добровольцев, молча поднял пологую плащ-накидку, прикрывающую вход на командный пункт.

В подвале оказалось довольно светло. Мерцала копилка, сооруженная ординарцем комбрига из снарядной гильзы. На импровизированном столе из снарядных ящиков была расстелена карта. Над ней склонились двое: лейтенант Земков и комбриг. Каску взводный снял и без головного убора показался Дубинину каким-то домашним.

– Понимаешь, Александр Федорович, – глухо говорил ему комбриг, – важно отвлечь врага на тридцать – сорок минут. А мы как раз основными силами ударим его с фронта.

– Задача понятна, товарищ майор, – раздумчиво отозвался Земков, всматриваясь в карту. – Все правильно, если получится... Вот только в одном я сомневаюсь. Удастся ли нам незаметно подобраться к берегу?

– Да уж, постараться придется. Ведь в чем тут фокус? Перебравшись через бухту, вы окажитесь у разбитого железнодорожного вагона в тылу у немцев, – продолжал комбриг. – И сможете отвлечь их. Но скрытность... скрытность вам просто необходима. Почему и посылаю небольшую десантную группу. Надо одной шлюпкой ограничиться. Рано утром туман. Вот им и надо воспользоваться.

– Что ж, попробуем.

– Да уж, постарайтесь, лейтенант. Надо! Ой, как надо! Главное, чтобы вы там шуму побольше наделали!

Комбриг выпрямился. Он давно заметил вошедших бойцов, но умышленно не реагировал на их появление, хотя и догадывался, с какой целью они пришли. Это были отчаянные ребята, не раз проверенные в деле. Им-то и предстояло выполнить его замысел в предстоящем бою.

– Вы ко мне? – спросил комбриг с хитровой улыбкой.

– Так точно, товарищ майор! – ответил за всех Дубинин. – Есть просьба! Прикомандируйте нас к товарищу лейтенанту для выполнения задания. О котором вы только что говорили!

– Что скажете, Александр Федорович? – повернулся комбриг к Земкову. – Годаются добровольцы?

– Вполне, товарищ майор. Соценко Александр – сапер и по совместительству пулеметчик. Висовин Константин – бывший моряк, из тех, что немцы зовут черными дьяволами. Дубинин Иван – опытейший боец, прошедший с нами уже больше года. Еще выразили желание наши разведчики Романов и Сидоренко. Да вы их знаете. Не раз посылали в тыл врага.

– Добро, – согласился комбриг и с благодарностью посмотрел на солдат. – Спасибо, добровольцы! Очень на вас надеюсь!..

Сборы были недолгими. Продовольственный НЗ подготовили минимальный, зато вооружились, как говорится, «до зубов». Каждый загрузил по два вещмешка боеприпасов, взял не одну связку гранат. Не забыли и ножи. Да еще несколько ящиков боеприпасов забросали в объемную шлюпку, – та даже присела. До начала операции оставалось два часа. Земков приказал употребить их для отдыха. Силы им очень понадобятся. Спать устроились тут же, в подвале. И вскоре все уснули. На фронте солдаты привыкают использовать каждую минуту для отдыха.

Было еще темно, когда Земков разбудил бойцов. Быстро собрались и спустились к воде. Соценко было собрался сесть за весла, но Висовин быстренько отстранил его.

– Я же чуток посильнее тебя, – недовольно возразил Александр, глядя на друга сверху вниз.

– Ты уж не сердись, братишка, – возразил моряк, отбирая весла, – тут не сила нужна, а сноровка. Я когда-то на шлюпочных гонках призы брал.

Ночь постепенно редела. В светлевшем небе медленно растворялись звезды. Ракеты над берегом вспыхивали все реже и реже. В поплывшем над морем темно-сизом тумане стихали

пулеметные очереди, уступая место методичным артиллерийским и минометным разрывам. Несмотря на свежавший ветерок, удушливый запах гари продолжал сверлить горло, отчего даже чайки, извечные жители севастопольских бухт, исчезли неизвестно куда.

Сидевшие на корме разведчики о чем-то тихо переговаривались между собой. Романов и Сидоренко уже второй год воевали вместе. Бывали в тяжелых переделках и очень дорожили друг другом. Оба были рослыми, плечистыми и чем-то походили друг на друга. Только один был круглолиц, и льняные кудри у него выбивались из-под сдвинутой на затылок каски; другой же выглядел худощавее, и волосы, стриженные «под горшок», выглядели более темными.

– Тише вы, шептуны! – сердито прошипел на них Весовин. – На воде каждый звук далеко разносится.

Разведчики послушно замолчали. Они, конечно, понимали, как важна сейчас звуковая маскировка. Они и заговорили потому, что было невтерпех выносить томительное напряженное ожидание. До вражеского берега было уже недалеко.

Дубинин напряженно всматривался в еще невидимую, но уже мысленно ощущаемую землю. Гарь, стоящая над ней, напоминала ему отступление сорок первого года. По сторонам тогда дымились села, хлеба на полях. Горела сама земля. На колонну беженцев то и дело налетали воюющие морями фашистские «стервятники», сжигая машины и расстреливая в упор женщин и детей. Пахло смрадным дымом и бедой. Иван, пока жив, не сможет этого забыть...

Висовин продолжал грести, сильными натренированными движениями рук вгоняя весла в воду. Старая объемистая рыбацкая посуда, хоть и шла довольно ходко, но была заметно перегружена. Это тормозило ее ход. Однако она все-таки могла достичь цели незамеченной, если бы не предательский туман: он начал редеть. В белесой предрассветной густоте, мигая, постепенно растворялись звезды. На востоке обозначалась светлая полоска зари. Всего несколько минут назад молочная пелена стояла сплошной стеной. Теперь же поверхность воды просматривали уже метров на пятьдесят.

Земков, сидя на носу шлюпки, с тревогой смотрел вперед. Неужели не удастся скрытно причалить к берегу? Если их засекут раньше, под угрозу будет поставлен вся операция! Скуластое лицо взводного все более мрачнело. Глубоко посаженные глаза недобро шурились. Взводный в своей профессии был виртуоз. Земков, как никто другой, умел чувствовать надвигающуюся опасность. Человек хладнокровный, он всегда действовал расчетливо и решительно, но никак не безрассудно. Зря никогда не рисковал. Знал: малейшая неточность – и все!.. Разведчик, как и сапер, ошибается только раз. Он часто повторял эту присказку.

В тумане обозначились причалы. Можно было, напрягшись, рассмотреть полуразрушенные портовые строения.

– Приготовить оружие! – тихо скомандовал лейтенант. Всем своим существом он чувствовал приближение беды. И это ощущение его оправдалось. Внезапно резкая пулеметная очередь вспенила воду позади шлюпки.

– Заметили, сволочи! – сквозь зубы процедил Висовин. – Теперь держись, братва!

Следующая очередь полоснула по воде слева.

– Ложись! – крикнул Земков.

Скрываться теперь не имело смысла. Деревянные борта их посудины были ненадежным укрытием. Но не давать же фашистам стрелять по каждому в отдельности. Все, кроме сидевшего на корме Кости, упали на дно шлюпки. Только Романов замешкался. И это стоило ему жизни. Пуля ударила солдату в висок. И он, захрипев, повалился на спину. Теперь их осталось пятеро...

Земков зло выругался. Мелькнула мысль: «А имеет ли смысл теперь высаживаться?» Немцы переполошились и сделают все, чтобы не допустить десантников к берегу, в тыл их расположения. Но и назад пути не было: догонят пули и снаряды, расстреляют гады на плаву.

Да и не могут они повернуть вспять. Приказ должен быть выполнен! Бригада же должна вскоре пойти вперед. И на них, десантников, надеются, что они отвлекут врага на себя...

– Нажми, Костя! – крикнул Земков и, чуть приподнявшись над бортом, дал длинную автоматную очередь.

– Понял, командир! – азартно воскликнул Висовин. – Помирать, так с музыкой! Полундра не подведет!..

Он остался на виду один в центре смертельной свистопляски. А кругом визжали пули, и каждая могла в любой момент ужалить насмерть. Но Костя не дрогнул. Он сбросил каску и, выхватив из-за пазухи бескозырку, нахлобучил ее на голову. Продолжая одержимо работать веслами, срывающимся голосом запел: «Наверх вы, товарищи, все по местам...»

Море кипело. Воду вспарывали пулеметные очереди, вздымали султанами взрывы снарядов. Костя же, как бы бросая вызов этому аду, продолжал хрипло выкрикивать слова песни и отчаянно махать веслами... И далеко над морем разносились слова этой песни о стойкости и мужестве русских моряков, идущих на гибель во имя долга перед Родиной...

Пробитая пулями в нескольких местах посудина медленно погружалась в воду. Но до суши было уже недалеко. Не прошло и нескольких минут, как нос шлюпки ткнулся в прибрежные камни. Земков первым прыгнул из баркаса. За ним последовал Дубинин и все остальные. Вздымая кучу брызг, они побежали к сухому месту. Навстречу Земкову выскочили два рослых гитлеровца. Одного он свалил ударом приклада. Другого скосила очередь, выпущенная Дубининым из автомата. Рядом громко ойкнул Сидоренко. Иван еле успел подхватить грузно оседавшее тело разведчика.

– Сейчас перевяжу, друг! – крикнул Дубинин, опуская солдата на песок. – Я быстро!..

– Охолонь! – прохрипел тот. – Нет нужды!.. Прощевайте, хлопцы! Бейте гадов!..

Он не договорил, захрипел и умолк навек.

– Иван, не отставай! – услышал Дубинин голос Кости. – К насыпи давай!.. Живее!..

Он склонил голову над павшим разведчиком. Даже похоронить некогда, мелькнула мысль. Но отставать от своих было нельзя. И он побежал вслед за другими к насыпи.

Земков окинул взглядом трех залегших бойцов, усмехнулся.

– Ну, гарнизон, занимай круговую оборону! Еще повоюем!..

Ошеломленные дерзостью десантников, так внезапно оказавшихся у них в тылу, немцы, видно, растерялись. На какое-то короткое время их огонь стих. И группа смельчаков воспользовалась этой паузой. Оставив для прикрытия Висовина с ручным пулеметом, остальные вернулись к полузатопленному баркаса за боеприпасами. Нагрузились так, что обратно бежали, согнувшись под тяжестью груза на плечах. Соценко взвалил на плечо два вещмешка с гранатами.

– Ну, теперь покажем фрицам кузькину мать! – не удержался от реплики Висовин.

Вернувшись к насыпи, Земков приказал Соценко следить за тылом.

– Чтобы ни одна гадина оттуда не просочилась! – сказал он. – А мы втроем будем фронт держать. Я в центре, Дубинин справа, Висовин слева. Фланги тоже на их совести.

Висовин устроился в воронке между рельсами. Дубинин забрался в сброшенную с насыпи разрушенную цистерну. Земков обосновался за грудой покореженной арматуры, лежащей чуток поодаль. Понимая, что на одном месте каждому долго не усидеть, Земков распорядился, чтобы солдаты сразу же выбрали себе запасные позиции.

Тишина стояла недолго. Вскоре земля задрожала от разрывов снарядов и мин. Утро уже вступало в свою силу. Отчетливо стали видны окрестные развалины. Красавец Севастополь, спускавшийся когда-то к морю живописными террасами, лежал теперь в горах вспученной земли и камней.

– Поднялись, едрена кошка! – воскликнул Висовин, первым заметивший выползших фашистов.

– До взвода автоматчиков, – отметил Земков. – Что-то немчура не раскошелилась!

– Подпустим поближе? – спросил Дубинин. – Чтоб уж наверняка...

– Разговорчики! – остановил его Земков. – Действуем, как всегда: бьем в упор. Огонь по моей команде!

Не встречая сопротивления, гитлеровцы осмелели. Они встали в полный рост и побежали, быстро приближаясь к десантникам. Пулемет и три автомата ударили разом. Фашистов будто смело огненной метлой. Цепь залегла. И тут густо посыпались гранаты. Немцы, не выдержав, начали отползать.

– Не понравилось! – злорадно засмеялся Костя.

– Сейчас соберутся с силами и снова полезут, – резюмировал Дубинин. – Смотреть в оба! Мы им, как кость в горле... Скоро наши с фронта начнут.

Он оказался прав. Минут через пятнадцать гитлеровцы снова двинулись вперед, причем с трех сторон. Десантники встретили их гранатами. Взрывы перекрыли стук автоматов и крики пораженных осколками немцев. Но слева гитлеровцам удалось все-таки обойти десантников, и они бросились в открытую атаку. Вражеская цепь подкатилась к воронке, где засел Соценко. Он поднялся во весь свой могучий рост и с криком «Бей гадов!» ринулся на врага. Одного из фрицев свалил ударом приклада, другому воткнул нож в живот, – они упали. Но солдата облепили уже со всех сторон. Видно, хотели взять живым. Соценко зашатался и упал.

– Сашка! – отчаянно крикнул Дубинин.

Какая-то неведомая сила оторвала его от земли и бросила вперед. В тот же миг рядом оказался Висовин.

– Полундра! – рывкнул он, опуская приклад автомата на голову склонившегося над лежащим Соценко немца.

Завязалась рукопашная. К месту схватки подоспел Земков. Он в упор полоснул очередью по гитлеровцам. Трое сразу упали. Вторая очередь свалила еще трех. Теперь уж вдогонку побежавшим фашистам стучали три автомата.

Снова наступило короткое затишье. Это была для десантников еще одна удача, оттянувшая время следующей вражеской атаки.

Дубинин, воспользовавшись образовавшейся паузой, бросился к Соценко.

– Те жив, Сашко? – взволнованно спросил он, приподнимая друга за плечи. – Отвечай быстро!

– Болит! – застонал тот. – Туточки – справа... – И он закрыл глаза.

Разорвав гимнастерку Соценко, Дубинин вздрогнул. Правая сторона груди друга была дважды проколота ножом и залита кровью. Из легких с хрипом вырывался воздух. Внутри что-то булькало. Сашко был явно не жилец...

– Потерпи малость! – пробормотал Иван и начал перевязывать раны. – Сейчас мы тебя надежно укроем. А потом в медсанбат...

– Не будет этого, Ваня, – простонал Соценко. – Ты меня не прячь, а оттащи в сторонку и пулемет заряди!..

– Тебе ж нельзя! – воскликнул Дубинин, растерянно глядя на лейтенанта. Тот еле приметно пожал плечами. Ничего, мол, не поделаешь, брат!

– Ты время-то не тяни, Ваня! Прошу! Как друга! – настойчиво протянул Соценко.

Не подчиниться было нельзя. Иван вместе с Висовиным осторожно перекатили Соценко в воронку, устроили его поудобнее, зарядили его пулемет, рядом положили запасной снаряженный диск.

– Вот так-то лучше, – прошептал удовлетворенный Соценко. – Это и называется – до последнего вздоха... Идите, хлопцы... За меня не бойтесь...

Фашисты поняли, что в лоб десантников не взять. Они видели, что тех немного, но сдаваться они не намерены, а отступать некуда: за спиной – море. Немцы изменили тактику, и

пошли в атаку тремя группами. Пулемет Стоценко сразу же открыл огонь. Короткими очередями он решетил ряды гитлеровцев. И они решили его уничтожить. Первая мина разорвалась возле окопа, но две последующих накрыли цель. Дубинин увидел, что Стоценко неподвижно лежит на боку, скорчившись. Руки его по-прежнему крепко сжимали приклад «дегтярева». Висовин тоже понял, что друг их мертв, и молча снял бескозырку. В глазах его стояли слезы. Он смахнул их грязной ладонью и подумал, что Соценко все же сумел постоять за себя.

А бой продолжался. Немцы залегли, стреляя из автоматов. Затем снова рванулись вперед. Через минуту они оказались возле позиции Земкова. Сразу четверо их бросились на лейтенанта, решив, очевидно, захватить его в плен. Земсков успел отскочить и швырнуть гранату. Все устремившиеся к нему фрицы были убиты. Но и сам взводный был ранен, упал. Больше он уже не поднялся...

– Ах, гады! – остервенело рявкнул Висовин. Увидев, как погиб лейтенант, он рванулся вперед. Остановить моряка уже было невозможно. Он сшиб двух гитлеровцев, пропорол живот ножом третьему. Но на него уже кинулись несколько дюжих немцев. Дубинин увидел, как моряк выхватил из кармана гранату Ф-1 и рванул из нее чеку. Взрыв потряс бухту. Все, кто окружал Висовина, упали. Но и от него самого мало что осталось. Залитое кровью изувеченное тело рухнуло на землю.

Время остановилось, замерло в неподвижности. Дубинин остался один. Удары сердца, короткие и гулкие, казалось, отсчитывают последние минуты жизни. Сколько их, этих мгновений осталось? На этот вопрос Иван не мог ответить.

– Рус-с, сдавайся! – крикнули немцы. Ошеломленные таким ожесточенным сопротивлением столь малочисленной группы десантников, они уже боялись приблизиться к Дубинину.

Вместо ответа Иван дал очередь из автомата и отскочил назад, к пульмановскому вагону, лежащему на боку у самой воды. Волны лениво лизали его проржавевшие колеса. Внутри было сумрачно и сыро. В крыше, повернутой к насыпи, зияло несколько больших пробоин. Сквозь них была видна насыпь как на ладони. Обзор был отличный. Сквозь выбитые окна можно запросто бросать гранаты. Позиция хорошая. Вот только отходить уже некуда.

Мысли Ивана вдруг почему-то перескочили на прошлое. Картины оттуда замелькали одна за другой. Они были короткими и настолько четкими, будто проходили перед глазами.

...Родной колхоз. Хаты, утопающие в садах. Из дворов пьяняще тянет запахом дыма и свежеиспеченного хлеба... Каково-то там сейчас, после освобождения?... Тогда их колхоз считался лучшим в районе. Только лошадей больше сотни имелось...

...Кинбурнская коса. Ледяная крупа, секущая лицо. Злющий ветер с моря. Картечь хлещет в упор. Они бежали ей навстречу. Многие падали, чтобы уже больше не подняться. Уцелеть не надеялись, но и страха не было. Всей своей жизнью и самой смертью утверждали они право на бессмертие... Именно тогда после боя получил Иван свою первую медаль «За отвагу»...

...А сколько было потом сражений. И каких! В бою под Нижнекумском немцы бросили на позицию взвода пять танков. Четыре из них удалось подбить на подходе. Пятый же прорвался к самым окопам. Разрывом снаряда их взводный лейтенант Кулдышев был ранен в левую руку, но покинуть позицию наотрез отказался. Наскоро перебинтовав руку, он продолжал командовать. Фашистский танк между тем быстро приближался. На окопы взвода стремительно надвигалась черная громадина. Еще минута – и всем будет конец. И тогда Кулдышев, схватив правой рукой связку гранат, бросился под танк...

Лихорадочные картины из прошлого были прерваны появлением гитлеровцев на насыпи. Они выскочили слева. Дубинин дал по ним короткую очередь. Немцы залегли. Некоторое

время не решались приблизиться к пульману. Иван, получив короткую передышку, быстренько проверил свой боезапас. У него оставалось два автоматных диска и четыре гранаты. Боеприпасы следовало экономить. И он начал стрелять коротенькими очередями.

– Рус-с, сдавайся! – снова услышал Иван. – Капут или жить!

Он разозлился. Ну, сколько они будут орать! Дубинин засек, откуда доносился гнусный голос, перебежал на другую сторону вагона и швырнул в то место гранату. Послышался взрыв и болезненные крики. «Получайте гады!» – злорадно подумал он.

Гитлеровцы с упорством маньяков снова полезли вперед. И опять автоматные очереди, все более короткие, преградили им путь. Дубинин вставил в автомат последний диск. С досадой поглядел на оставшиеся две «лимонки». Их он берег на крайний случай. «Ну вот и пришел твой последний час, Иван!» – подумал обреченно.

Море ласково плескалось у берега. И было оно, как глаза у Аннушки, синее-синее. Трудно ей будет одной детишек растить! Старший конюх Иван Дубинин уже не вернется в родное село...

Снаружи слышались шаги, осторожные, крадущиеся. Дубинин насторожился. Нельзя ни в коем случае дать гитлеровцам захватить его врасплох! Он должен последнюю гранату бросить в немцев. Чтобы подороже продать свою жизнь!

Наступившая вдруг непонятная тишина насторожила Ивана. Он выглянул из вагона. Никого! Бросился в другой конец вагона и вдруг увидел своих. Они бежали цепочкой вдоль берега. Внезапное «ура» разорвало воздух.

На глаза Ивана невольно навернулись слезы. Неужели?.. Не верится! Но глаза не обманывали – солдаты уже приближались к вагону. Иван выскочил из своего убежища и устремился к своим. Сердце его было готово выпрыгнуть из груди. Он бежал, широко раскинув руки, задыхаясь от радости. Обнимал одного солдата, другого...

– Дубинин, ты?! – раздался удивленно-восторженный возглас.

Рядом стоял комбриг. Иван вскинул руку к каске.

– Ваше задание выполнено, товарищ...

Майор не дал окончить, крепко обнял.

– Жив! Ну и молодчага же ты!

Их окружили солдаты. Радостно тискали Дубинина, что-то говорили...

– А где остальные? – тихо спросил комбриг.

Все вокруг сразу замолкли, словно предчувствуя роковой ответ. И Иван, чувствуя настроение окружающих, тихо произнес:

– Нету их...

Тишина стала оглушительной. Все хорошо понимали, что здесь произошло и как помогли им эти павшие ребята...

– По местам! – прервал это горестное молчание голос комбрига. И все сразу пришло в движение. – Отдадим почесть погибшим, изгнав фрицев из Севастополя!

Наступление продолжилось. Атакующие все дальше уходили от берега. Бой шел уже на западной окраине города. Но фашисты, понимая свою обреченность, яростно сопротивлялись. При повороте улицы взвод, в который вернулся Дубинин, был вынужден залечь. Пулеметный огонь был настолько плотен, – головы поднять невозможно.

– Вот чешут, сволочи! – зло произнес седоусый сержант, заменивший погибшего лейтенанта Земкова. – Сховались в подвале и чешут нас с фланга.

Они лежали в кювете, а по булыжной мостовой резко шелкали пули, с визгом отскакивая от камней. Кустарник вдоль тротуара был скошен начисто. Иван осторожно выглянул из своего ненадежного укрытия. Так и есть: стреляли из каменного дома на углу. Понятно, что пока пулемет они не заткнут, взвод вперед не продвинется.

– Может, задами попробовать подобраться? – неуверенно предложил он. Сержант с сомнением качает головой.

– Трудно. Да и долго. Время поджигает!

– Тогда вот что, – сказал Дубинин, – ты тут фрицев отвлеки, а я все-таки с дальнего конца попробую подобраться.

Он чувствует, что должен непременно что-либо сделать. Не может оставаться в бездействии опытный боец.

– Ладно, – недовольно махнул рукой сержант. Он не очень-то верил в затею Дубинина, но иного выхода не видел. – Только будь осторожен. Сигнал подашь. С собой, может, кого возьмешь?

Но Иван его уже не слышал. Впрочем, он бы все равно не согласился рисковать еще кем-то. Да и сподручнее как-то одному. Фрицы не заметят.

Перебегая из двора в двор, прячась за развалины, Дубинин вскоре достиг конца улицы. Теперь дом, откуда из подвалов строчили пулеметы, оказался перед ним. Если чуток подальше подобраться, можно подползти с тыльной стороны...

Он вытащил из кармана гранату и швырнул ее через дорогу. Это сигнал сержанту – открыть огонь. Со стороны позиции взвода сразу же началась бешеная стрельба.

«Молодцы хлопцы, – подумал Иван. – Под таким прикрытием даже новичок проскочит». Вскочив, он стремглав понесся вперед. Только бы успеть! Из двух амбразур бьет пламя. Дубинин выхватил гранаты и одну за другой послал их туда. Разрывов почему-то не услышал. Все вокруг вдруг потускнело, закрылось пеленой дыма. А еще – боль в правом боку...

Подбежали бойцы взвода. Что-то кричат, тормозят за плечи... Дубинин на минуту пришел в себя.

– Поднимите, братишки, – прошептал он.

Почувствовал сразу несколько рук. Все плыло перед глазами – силы оставляли его. Но он поднял голову. Смотрел на Севастополь – город, который отныне навечно будет в мраморе хранить его имя...

А до Великой Победы оставался ровно год.

Все дальше и дальше в прошлое уходит война. Но не меркнут подвиги, совершенные солдатами на полях сражений. Наоборот, они приобретают все большее значение, становятся более величественными. Память о погибших бережно хранится в сердцах живущих на земле.

Мне довелось побывать в части, где служил и пал смертью храбрых Герой Советского Союза гвардии рядовой Иван Дубинин. Подвиг его, как и многих других бойцов Великой Отечественной войны, вдохновляет нынешних солдат на беззаветное служение Родине. У них они учатся мужеству, стойкости, великой преданности своему Отечеству и родному народу.

В комнате Боевой славы части создан специальный уголок, посвященный памяти Дубинина. Здесь висит его портрет, описание совершенного им подвига. Рядом – картина, запечатлевшая Героя и его друзей во время боев в Севастополе, как ее представлял талантливый самодельный художник рядовой Алексей Кобцев, служивший в этом полку. Тут же – выписка из приказа министра обороны о зачислении Героя Советского Союза Ивана Дубинина навечно в списки части. На стенде – личные вещи погибшего, присланные женой героя, и ее скорбное письмо, обращенное к однополчанам мужа, полное веры в будущее. Его нельзя читать без боли.

«Дорогие воины! Родные сыны мои! – пишет Анна Андреевна Дубинина. – Вы представить себе не можете, как глубоко взволновало меня сообщение о том, что мой муж Герой Советского Союза Иван Владимирович Дубинин навечно зачислен в ваш боевой строй... Отныне он будет всегда незримо шагать с вами, делить все ваши печали и радости, поднимать на новые успехи. Так же, как подымает он своих односельчан на самоотверженный труд. Земляки Ивана Владимировича помнят о нем, ставят в пример молодежи. Потому что вся жизнь его и даже

сама смерть – замечательный образец служения Отечеству, родному народу. Так пусть же никогда не тускнеет в сердцах наших образ отважного сына земли Русской».

Вечер опускается на землю. С гор сползает прохладная ночная темнота, в которой тонут все звуки. Тишина наступает в казарме, когда звучит команда «смирно!». Строй роты замирает. Звучит старшинский бас:

– Слушай вечернюю поверку!.. Герой Советского Союза рядовой Дубинин!

– Пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины, – чеканит правофланговый сержант.

В эту торжественную минуту каждый стоящий в шеренге солдат как бы подводит итоги прошедшего дня. Все они сделали еще один небольшой шаг к высотам боевого мастерства. И вместе с однополчанами бежал в атаку, поражал мишени, преодолевал полосу препятствий гвардии рядовой Иван Дубинин! Он всегда в их делах и помыслах. Потому что навечно в строю.

Выстрел из прошлого

Пролог

Высадка десанта началась рано утром. Мичман Горбатов, нахохлившись, наблюдал, как спускаются с корабля в шлюпки его матросы. Казалось, действуют они недостаточно быстро. И это его раздражало: промедление в боевой обстановке может дорого стоить, особенно сейчас.

Седой мичман стоял возле трапа. Издали он походил на серый замшелый камень, откуда-то появившийся на палубе. Выражение лица его было сумрачным. Сегодня он решительно недоволен всеми и главным образом командиром. К его словам так и не прислушались...

По трофейным картам, захваченным ими на Сахалине при освобождении Отомари¹, бухта, в которой предстояло высадиться десанту, значилась пригодной для стоянки судов всех классов. Тут и глубины подходящие, и побережье песчано-отлогое. Почему бы не подойти к острову ближе? Для первого броска и сотня метров на веслах может сыграть решающую роль.

Командир конвоя, не соглашаясь с мичманом, основывался на том, что доверять вражеским картам опасно: соврут, какой с них спрос. К тому же туман.

Над океаном действительно висел курильский бус. С одной стороны, вроде бы дополнительная маскировка, никаким прожектором не пробьешь. Но с другой... Бесперывно сыплющаяся сверху изморось делала палубу, шлюпки, такелаж влажными и скользкими. Когда же переваливаешься через борт и раскачиваешься на веревочном трапе, а за спиной ручной пулемет или противотанковое ружье с боекомплектom пуда на два – малейшее неверное движение грозит ледяной купелью. Хоть и первое сентября, лето по календарю только миновало, а водичка студеная.

Горбатов хорошо знаком со свирепым нравом Тихого океана, он прослужил на Дальнем Востоке много лет еще до войны. Сей прискорбный, как он считал, факт биографии, собственно, и привел сейчас мичмана сюда. Будь его воля, ни за что не расстался бы с Северным флотом. В Заполярье провоевал три с лишним года, поэтому не мыслил службы в другом месте. И вдруг... В феврале сорок пятого вызвали в штаб. Собирай, говорят, манатки, поедешь в Москву и дальше...

– Как же так? – возмутился мичман. – Война... Братишки жизни свои кладут. А меня, выходит, на тыловые харчи?..

– Не горячись, Михаил Демидыч, – усмехнулся беседовавший с ним капитан 1-го ранга. – Меня тоже туда отправляют.

– Но почему? – удивился Горбатов. – Разве мы все дела переделали? Я надеялся тут до победы провоевать!

– Я – тоже. Но посылают нас не в санаторий. И не всех подряд, а с отбором, в основном тех, кто прежде на востоке служил, – словно уговаривая себя, продолжал командир. – Ладно уж, сообщу по дружбе. Будем осваивать новый театр военных действий. Осваивать! Понял?.. Многому, хоть мы и имеем большой военный опыт, придется учиться заново...

Посадка в шлюпки прошла как будто без задержки, однако тревога не покидала Горбатова. Конечно, народ в группе захвата подобрался отчаянный. Большинство прошло через пекло войны и теперь способно выдержать все. Но на войне всякое бывает. Горбатов долго командовал разведчиками отдельного батальона морской пехоты. Он повидал столько, что хва-

¹ Отомари – ныне Корсаков.

тило бы в обычной жизни на добрый десяток людей. И поэтому он хорошо знал, что бывает и такое, когда кажется, что самое страшное позади, можно вздохнуть с облегчением, расслабиться, но тут-то и настигает солдата какая-нибудь шальная пуля...

Шлюпки первого броска отвалили от корабля, как и было определено приказом, ровно в семь ноль-ноль. Шли чуть ли не на ощупь. Не то что берега, своих, находящихся в полукабельтове, не разглядеть. Сидя за рулем, Горбатов пытался обнаружить хоть какой-нибудь ориентир. Его группе предстояло высадиться, как сказал ставивший боевую задачу капитан 1-го ранга, в самой горячей точке.

Бухта, куда направляется десант, песчаная. Широкой пологой дугой врезается она в остров. На южной оконечности ее невысокое плоскогорье. На нем, по данным разведки, и находятся основные огневые точки противника, прикрывающие залив. Там же располагается штаб расквартированной на южных Курилах бригады.

– Твоя главная цель, Михаил Демидыч, – сказал командир, – штаб! Штаб – любой ценой!.. Захват его сразу деморализует всю группировку вражеских войск на острове. Высадишься у подножия плато – и живо наверх! Только быстрота и внезапность могут обеспечить успех. Ну да не мне тебя учить.

По заливу шла мелкая зыбь. Весла шестерок взлетали над водой, описывали в воздухе плавный полукруг, роняя капли, и снова мягко входили в нее. Взмах, другой, третий... Каждый из них приближал десантников к берегу, к цели, к опасности.

Горбатов наметанным глазом различил темную полосу земли, когда до нее оставалось не более ста метров. Он окинул взглядом бойцов и только тут обратил внимание, что все, вопреки его строжайшему приказу, надели бескозырки. Но это не рассердило его. Не будь Горбатов командиром, обязанным подавать пример, он бы тоже каску, которая, конечно, защищает от пуль и осколков, непременно заменил бы на морскую фуражку. Флотская фуражка и бескозырка – символы родного флота для моряков, воюющих на суше.

Шлюпка с разгону ткнулась в песчаную отмель, и десантники, перепрыгивая через борта, вздымая тучи брызг, устремились к берегу.

– Живей, братва! – командовал Горбатов. – Живей!

К берегу одна за другой подходили шлюпки. Зеленые гимнастерки и темно-синие форменки быстро растекались по суше: важно не только захватить плацдарм, а и закрепиться на нем до того, как противник откроет огонь.

Время шло, а японцы... Японцы молчали, и Горбатов, ведущий группу вверх по скалам, недоумевал. Вражеские посты наблюдения не могли не обнаружить десанта. У японцев повсюду прекрасная связь, им должно быть известно, что советские войска заняли уже многие острова Курильской гряды.

«Почему до сих пор не открыли огонь? – думал мичман. – Готовят ловушку?»

Неизвестность всегда тяготит, уж лучше бы поскорее вступить в бой...

В то же время Горбатов сознавал: лишний метр, пройденный без огневого противодействия, сохраняет жизнь его ребятам. И это второе желание – пусть еще хоть несколько минут тишины – было не менее сильным.

Десантники достигли наконец плато и залегли. Слева просматривался бронированный колпак, справа зияли две амбразуры дзота. Между ними – простреливаемое пространство. Не заминировано ли? Горбатов огляделся: где же, в конце концов, противник? Ни окопов, ни часовых. Вокруг будто все вымерло.

– Слышь, командир! – окликнул лежавший рядом матрос Сидоренко. – Вон там тряпка болтается на ветру. Не нам ли сигнал подадут?

Действительно, позади зарослей бамбука из-за большого камня кто-то невидимый размахивал белым флагом. Мичман не верил своим глазам. Капитулируют? Или очередная вра-

жеская подлость?.. Сколько раз так бывало: говорят – «сдаемся», а потом стреляют; улыбаются, а сами – нож в спину...

– Никак пощады просят! – вновь воскликнул матрос. – Разрешите, командир, я схожу туда, погляжу, что к чему. На рожон переть не стоит.

Горбатов искоса взглянул на Сидоренко и не сразу ответил на его просьбу. Он думал: «А если не провокация? Если на самом деле сдаются? Тогда нужна не столько храбрость, сколько дипломатия».

Матрос понял молчание мичмана по-своему.

– Одинокий я, – глухо сказал он и добавил: – Жинка с хлопчиком под немцем оставались. Сгинули...

– Спасибо, дружище! – отозвался Горбатов. – Но командиру негоже перекладывать ответственность, равно как и опасность, на плечи подчиненных. Пойдем вместе.

Мичман решительно поднялся, стряхнул приставшие к коленям травинки, одернул китель. Оценивающе оглядел внушительную фигуру матроса в лихо сбитой набекрень бескозырке и шагнул вперед.

Они шли и прекрасно сознавали: в любую секунду в них могут выстрелить. Но страха как-то не чувствовалось, лишь остро ощущалась полная незащищенность. Куда легче, оказывается, бежать в атаку, стрелять самому, слышать вокруг свист вражеских пуль, чем вот так, не спеша, вскинув голову и расправив плечи, шагать мимо вражеских амбразур...

Миновав бронированный колпак, они заметили японцев. Тех было семеро, судя по обмундированию – офицеры. Увидев мичмана, японцы по команде вытянулись и замерли, а двое двинулись навстречу, высоко вскидывая ноги. Подойдя, один из них на ломаном русском языке сообщил, что он – представитель командования и уполномочен начать переговоры.

«Ишь чего захотели, – мысленно усмехнулся Горбатов. – Ваша песенка спета, господа хорошие! Хотите вы или нет, но и этот последний остров Курильской гряды будет советским!»

– Никаких переговоров! – отрезал он. – Слыхали, как сказал в Берлине маршал Жуков? Капитуляция! Полная и безоговорочная!

Японцы послушно закивали, торопливо заговорили. На то есть божья воля и приказ императора Микадо. Одна лишь нижайшая просьба: оставить офицерам холодное оружие, которое они обязуются не применять. Без холодного оружия они лишаются чести, что равносильно смерти.

– Нам до ваших кинжалов и сабель дела нет, – махнул рукой Горбатов, знавший, что при капитуляции в других местах наше командование удовлетворяло такую просьбу. – Где огнестрельное оружие?

– Тут, господин, совсем близко, – обрадовался неизвестно чему японский представитель. – Можно смотреть. Можно считать...

Они обогнули капонир, за которым на ровной площадке аккуратными горками были сложены винтовки, пулеметы, короткоствольные горные пушки. Здесь же штабелями высились ящики с боеприпасами.

«Ну вот и все», – устало подумал Горбатов и взглянул на стоявшего рядом Сидоренко. Он вытащил ракетницу, нашел нужный патрон. Туман почти рассеялся, открыв сияющее ослепительной голубизной небо. Пологими конусами в него врезались вершины вулканов. Ближайший – серая с прозеленью громадина – поднимался над островом, закрывая добрую треть горизонта.

Зеленая ракета, вычертив дугу, взлетела над сопками.

Возле капонира появились десантники сперва из взвода Горбатова, а потом и из других подразделений. Весело переговариваясь, они рассматривали диковинные японские винтовки – арисаки; спускались в доты и выводили оттуда японских солдат. Пленных строили в колонны,

препровождали к берегу, чтобы посадить на десантные суда и отправить на Большую землю, – таков был приказ.

На плато с группой офицеров поднялся капитан 1-го ранга, обнял подошедшего с рапортом Горбатов и взволнованно сказал:

– Поздравляю, Михаил Демидыч. Поздравляю с победой! Долго нам пришлось к ней идти... Ну что тут у вас, показывай?

В этом вопросе был весь командир. Все ему было интересно! Сколько знал его Горбатов, тот всегда оставался открытым, чувств своих от подчиненных не таил. Если радовался, то от души, а когда сердился, высказывался прямолинейно.

Мичман любил своего командира. Всякий раз при встрече, что в последнее время случилось не столь уж часто, он окидывал его ладную фигуру взглядом и с одобрением отмечал: какой отличный моряк получился. А ведь когда впервые пришел на корабль, никак к морю привыкнуть не мог...

Будущий капитан 1-го ранга был назначен на минный заградитель «Смелый» младшим механиком, а Горбатов служил там боцманом. Это был двадцать пятый год – памятный Горбатову тем, что нашел он свое счастье в далеком нивхском стойбище Майма. Год спустя жена родила ему сына, нареченного по деду Демидом... Да, много воды утекло с тех пор...

– Ну, показывай блиндаж, где размещался штаб японской бригады, – весело потребовал капитан 1-го ранга, – показывай, Михаил Демидыч! О чем задумался?

В каземате, куда они спустились, оказалось сумрачно и прохладно. Какие-то бумаги устилали пол, шкафы, столы. Залетавший в распахнутые двери ветерок шелестел обрывками карт. По углам, украшенные вязью серебристых иероглифов, стояли пузатые сейфы. Несколько наших офицеров извлекали оттуда папки и аккуратно раскладывали на столе. При виде капитана 1-го ранга офицеры вытянулись.

– Вольно, – махнул тот рукой и, обращаясь к майору, руководившему разбором документов, спросил: – Как дела, начальник разведки? Есть что-нибудь интересное?

– Еще не закончили, товарищ капитан 1-го ранга, – отозвался майор, – но вроде бы все на месте.

– Далеко не все, – возразил капитан с эмблемами связиста. – Не нахожу некоторых документов. И довольно важных.

– Каких, например? – поинтересовался капитан 1-го ранга.

– Еще не установили точно. Но я вижу разницу между входящими и исходящими номерами, особенно по вопросам связи.

– Не только по связи, – вмешался начальник разведки. – Многие бумаги японцы, по моему, успели уничтожить...

– Или унести! – буркнул связист.

– Зачем? Нужны они им теперь, как прошлогодний снег.

– Видно, японцы думают иначе, – вмешался молчавший до этого молодой лейтенант с погонами интенданта. – Исчезли, например, планы подземных складов с продовольствием и вооружением. Все они рассчитаны на длительное хранение, на десятки лет...

– Даже такие были? – удивился Горбатов.

– Так точно, товарищ мичман. Японцы предполагали вести войну длительное время, потому и запасались, – ответил начальник разведки.

– Да, планы у них были обширные, – усмехнулся капитан 1-го ранга. – И, заметьте, обоснованные. Огромные стратегические запасы. Высокий дух нации. Всего этого нельзя не учитывать. А сухопутные войска?.. Сейчас у них под ружьем семь миллионов. Сила? Даже у Гитлера, если помните, в армии вторжения солдат было чуть поменьше.

– Выходит, не приди мы на помощь, американцы с англичанами чухались бы с этой войной еще года два? – удивился связист.

– Не меньше, – подтвердил капитан 1-го ранга, – и положили бы еще не одну тысячу своих солдат.

Где-то вдалеке будто разорвалась хлопушка.

– Никак граната? – спросил кто-то из разведчиков.

Капитан 1-го ранга, а за ним и остальные офицеры устремились к выходу.

Над островом по-прежнему висело затянутое дымкой солнце. Все вокруг дышало миром: едва колыхалась на ветру высокая, чуть пожухлая трава; убегали вниз по склону ровные, словно подстриженные кусты шиповника с крупными, как райские яблоки, алыми плодами; полого подымались кверху нечеткие, размытые контуры гор; медленно сползали с них остатки молочно-серого тумана. Просто не верилось... Не хотелось верить... Невозможно было поверить, что могут снова загреть выстрелы, может снова пролиться кровь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.